

18 ⁺ Дмитрий Надточий
Владислав Надточий
Михаил Надточий

ОРДЕН ДРАКОНА VS ОСМАНЫ

«С Крестом и Мечом»

Дмитрий Надточий

**Орден Дракона vs Османы.
«С Крестом и Мечом»**

«Издательские решения»

Надточий Д.

Орден Дракона vs Османы. «С Крестом и Мечом» /
Д. Надточий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934217-1

XV век, в Европе еще не остыла горечь от поражений крестоносцев. Христианский мир вновь охвачен идеей реванша Креста над Полумесяцем. Враг уже у ворот Европы и эти ворота уже трещат от его напора! И это новый враг — Османская Империя! На фоне этой угрозы Император Священной Римской Империи Сигизмунд создает рыцарский орден — Орден Дракона, в который вводит цвет аристократии Европы. Апогеем реализации идеи христианского реванша стали Никопольский и Варненский крестовые походы.

ISBN 978-5-44-934217-1

© Надточий Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Битва на Косовом поле. 1389 г.	9
Никопольский крестовый поход (1396 г.)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Орден Дракона vs Османы
«С Крестом и Мечом»
Дмитрий Надточий
Владислав Надточий
Михаил Надточий**

© Дмитрий Надточий, 2020

© Владислав Надточий, 2020

© Михаил Надточий, 2020

ISBN 978-5-4493-4217-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византийская империя в средние века была щитом Европы от нападений кочевников и других восточных народов, в частности арабов и турок-сельджуков. Варварский разгром крестоносцами Византийской империи в 1204 году, в результате четвертого крестового похода не прошел для Европы безнаказанно, распахнув ворота в Европы для завоевателей. Михаилу VIII Палеологу не удалось восстановить Византийскую империю в пределах, которые она имела до IV крестового похода. Венецианцы удержали в своих руках захваченные ими пункты на берегах и островах Мореи, омывающих Балканский полуостров. А в южной его части продолжали держаться некоторые французские феодальные владения. К тому же, новый король Неаполя и Сицилии, Карл Анжуйский, захватил кое-какие прибрежные пункты в теперешней Албании. С другой стороны, на севере образовалось новое болгарское царство, ставшее в очень враждебное отношение к Византии. В XIII веке, болгарские цари нападали на Латинскую империю и на восстановленную Византийскую империю. Одновременно с этим царством, образовалось на запад от него и сербское царство, которое в середине XIV века при Стефане Душане (1331—1355 г.г.) расширило свою территорию, с включением в нее Боснии, Албании и очень большой части Македонии и Фессалии. Так что, византийские владения в Европе были разрезаны на две черезполосные области, таким образом, в последние два века своего существования Восточная империя владела на Балканском полуострове лишь незначительной территорией. В середине 14 века, когда Балканский полуостров был таким образом разделен между византийцами, болгарами и сербами, появились на нем новые завоеватели, в лице османских турок, которые в XIII веке, так сказать пришли в Азию на смену туркам-сельджукам, основав в середине XIII века, особое княжество в центре Малой Азии, около Анкары.[1] Они стали нападать на соседние византийские владения, в первой половине XIV века их султан Орхан образовал знаменитое войско янычар из людей, в детстве отнятых у христианских родителей и воспитанных затем в магометанской вере. При нем были заняты турками самые важные пункты малоазиатских владений Византии, а в 1353 году они захватили одно укрепленное место на европейском берегу Дарданеллского пролива. За этим последовало завоевание султаном Мурадом I Адрианополя и Филиппополя. Эти успехи турок объясняются в первую очередь несогласием между отдельными христианскими народами, жившими или имевшими колонии на Балканском полуострове. Турки предприняли, наконец, завоевание и всего Балканского полуострова. В начале XV века Великая Византийская империя, которая была стражем Европы пала. Единственный обломок Великой Империи – Константинополь, пока еще существовал, окруженный со всех сторон новым могущественным врагом – турками-османами. Турки неудержимым потоком разлились по Балканскому полуострову. После тяжелых поражений, которые терпели сербы в войне с Турцией, князь Милош Обилич, зять князя Лазаря учреждает православный рыцарский орден, известный в истории как орден Дракона Святого Георгия Победоносца. Его членами стали 12 рыцарей и символом ордена являлся щит с изображением солнца с двенадцатью лучами. Отличительной чертой ордена является изображение дракона на шлемах рыцарей. Целью ордена было заявлено уничтожение султана Мурада I. Рыцарями Ордена стали двенадцать православных правителей различных государственных образований Европы, в частности Сербии, Валахии, Боснии, Албании и т. д. Наибольшим военно-политическим весом в то время, обладало Сербское государство, которое явилось организатором отпора турецкой агрессии на Балканах. Ключевым моментом сопротивления государств Балканского полуострова турецкой агрессии стала битва на Косовом поле.

Как свидетельствуют хроники: «Сербское королевство после царя Уроша стало княжеством, потому что они выбрали себе господином князя Лазаря, который был женат на племяннице короля Уроша по имени Милица. И так одни его поддерживали, а другие нет, как

это теперь повсюду бывает, и не только между светскими, но и между духовными людьми. Где же нет единства, никоим образом не может быть добра. Летом 1389 года султан Мурад I вторгся в Европу. В целях противодействия агрессии члены Ордена Дракона консолидировались и объединенные силы Южной и Центральной Европы столкнулись с врагом, в битве на Косовом поле. 28 июня 1389 года войска Османской империи в своём завоевании Балкан сошлись с войском сербского альянса, в которое кроме сербов входили войска Боснии, Албании и др. Перед битвой сербский князь Лазарь стал собирать войско со всех концов сербской земли и призывал к ополчению всех поголовно, заклиная страшной клятвой;

*У того, кто не пришел на бой в Косове,
Все труды его стали бесплодны,
Не родилась в поле белая пшеница,
А на склоне горном виноградная лоза. [2]*

Битва на Косовом поле. 1389 г.

Сербскими войсками командовал князь Лазарь, турецкими – султан Мурад I. Количество воинов точно не известно, по одним данным у султана было 30 тыс. человек, а у сербов 15—20, по другим до 300 и 80 тыс. соответственно. Но известно точно, что войска султана превосходила сербов численно в 1,5—3 раза. Встретились войска близ Лаба, впадающего в Ситницу. Во главе турок стоял Мурад I, с двумя сыновьями, во главе сербов – князь Лазарь с тестем Югом-Богданом и двумя зятьями – Милошем Обиличем и Вуком Бранковичем.

Силы турок были многочисленнее раза в три, но сербы не отчаивались. Битва началась в 6 часов утра и была очень кровопролитной. Султан Мурад, услышав, что Лазарь является наместником своего господина в Сербском королевстве, собрав войско, напал на Сербскую землю на Косовом поле, и князь Лазарь, не мешкая, тоже собрав войско, дошел к этому месту и расположился против султана на другой стороне на Смагове, возле реки Лядеш. Тогда начался в среду на святого Вита бой очень жестокий, и он продолжался вплоть до пятницы. Одна часть соратников Лазаря, верная ему, мужественно и непоколебимо билась за него в поле, а другая часть, смотря сквозь пальцы, наблюдала за битвой, и благодаря их неверию и несогласию битва была проиграна в пятницу в полдень. Там же Милош Обилич, убил султана Мурада. И тогда же был убит его сын Мустафа, но другой сын, Илдиризм Баязид, вступил на султанский престол. Сербские войска уже одолевали, когда один из их отрядов, предводимый Вуком Бранковичем, – неизвестно, отчаявшись ли в успехе, или изменнически – отступил за реку Ситницу, а за ним побежали босняки. Расстроенные полки сербов были разбиты. Погиб Юг-Богдан с девятью сыновьями. В начале боя султан был убит сербским князем Милошем Обиличем, основателем Ордена Дракона Св. Георгия, который выполнил возложенную на Орден миссию.

Милош был замучен по приказу сына султана – Баязида, в тот же день вместе с сербами, захваченными на поле боя. Из двенадцати рыцарей ордена после битвы уцелел только Стефан Лазаревич, сын Св. Лазаря, которого удалось переправить в Венгрию к Сигизмунду Люксембургскому. С тех пор орден Дракона Св. Георгия не возрождался. Здесь же, был взят в плен князь Лазарь недалеко от церкви девы Марии под названием Самодержецы. Позже, на этом месте был поставлен высокий столб, построенный в память плена князя Лазаря. Вместе с Лазарем был схвачен Краимир, топличский воевода, многие знатные пленники были казнены на этом месте. Предавшие Лазаря военачальники, которые смотревшие на битву со стороны, стали предателями, что однако плачевно для них закончилось, так как через некоторое время, забирая их по одному, всех их султан велел умертвить, говоря: «Раз вы не были верны своему господину в его беде, то и со мной поступите также». Туда же к Баязиду был приведен князь Лазарь и воевода Краимир. Султан Мурад, его отец, и брат Мустафа оба лежали на носилках. Баязид обратился к князю Лазарю: «Вот, видишь, лежащих на носилках моих отца и брата. Как ты смог дерзнуть противиться ему?» Князь Лазарь молчал. Воевода Краимир сказал: «Милый князь, отвечай султану, умная голова не пень от вербы, чтобы выросла второй раз». Тогда князь Лазарь сказал султану: «Еще более удивительно, как твой отец смел покуситься на Сербское королевство. И я скажу тебе, султан Баязид: если бы я вначале знал, что я своими глазами ныне вижу, ты должен был бы лежать на третьих носилках..Но сам бог так судил по нашим грехам., Пусть свершится божья воля». А потом султан Баязид велел обезглавить князя Лазаря, а Краимир, умолив султана, встал на колени и держал полу под головой князя Лазаря, чтобы она не упала на землю. А когда она упала на полу, поднес эту голову к своей и сказал: «Клянусь господу богу, где будет голова князя Лазаря, там будет и моя». Потом и он был обезглавлен, и обе головы упали вместе на землю. Тогда же один янычар принес голову Милоша Обилича и бросил ее перед султаном, говоря: «Султан, катятся головы жесточайших твоих неприятелей».

лей». Потом сербы, которые были при султানে Баязиде, выпросили тело Лазаря и отнесли его в один монастырь под названием Раваница и там похоронили, и он был объявлен святым. Победив, султан Баязид остался на Косовом поле и на месте побоища там, где был убит его отец, соорудил памятник: на четырех столпах утверждён свод, покрытый оловом.

По итогам битвы, сербы были вынуждены платить дань туркам и поставлять войско в османскую армию. После битвы на Косовом Поле Сербия превратилась в вассала Османской империи, а в 1459 была включена в её состав. Эта первая битва и сейчас играет значительную роль в сербском фольклоре, Лазарь и Милош Обилич почитаются как святые православной церковью. Современники высоко оценили подвиг рыцарей Ордена Дракона Св. Георгия Победоносца, они писали: «Блаженна троекратно и четверократно блаженна та дюжина рыцарей, что пробилась меж отрядами конницы неприятеля и мечами прорубила себе дорогу сквозь ограждение из верблюдов, цепями скованных, и в безудержном натиске прорвалась к шатру Амуратову. Блажен более всех и тот из них, кто умертвил воеводу такого войска мечом, неустрашимо вонзенным в горло и в пах». Подвиг рыцарей Ордена Дракона Св. Георгия Победоносца вдохновил и показал пример союза правителей, так как агрессия турок не ослабевала и более того набирала мощь и необходимость в организации подобного ордена как политического союза была очевидна.

Султан Мурад правил после Баязида, своего отца, заключив союз с деспотом Стефаном. Потом деспот завоевывал Белград, и после этого долго жил деспот – этот как бы. удельный правитель или князь. С императором Сигизмундом он жил в мире, приезжая к нему в Будзин, куда его ежегодно приглашал император, и он дал ему дом в Будзине – тот дом, в котором при короле Матиасе жил архиепископ Острогомский; потом деспот Стефан, находясь на смертном одре, свою землю отдал племяннику по сестре Георгию, а Белград отдал императору Сигизмунду. Умер он на поле, которое называется Головы, и оттуда был перенесен в монастырь под названием Ресава и там погребен.

После его смерти Георгий Вукович, его племянник, стал деспотом, а Белград передал императору. И таким образом Белград добровольно перешел Венгерской короне. Потом турецкий султан Мурад взял в жены дочь деспота по имени Мара и потребовал от деспота, чтобы с ней отправил своего сына Григория; и он отправил своего сына к Мураду, и, пользуясь при этом дружелюбием, деспот просил у султана, чтобы он разрешил беспрепятственно строить монастырь, и это разрешил султан и поклялся ему не препятствовать и позволил, чтобы он строил надежный город, клянясь ему свое слово держать надежно и честно. Деспот, полагаясь на обещания султана, строил Смедерево, когда же Мурад услышал, что деспот строит крепость, то он прежде, чем тот успел ее достроить и покрыть медью, тотчас же повелел сына деспота – Григория, своего шурина, бросить в тюрьму. Григорий был доставлен в замок Димотик, а султан в это же время пошел с войском, чтобы осадить Смедерево. Деспот, узнав, что султан идет походом, оставил своего второго сына в Смедерево, а сам поехал в Венгрию к королю Владиславу, брату Казимира, короля польского. Султан, подойдя к замку Смедерево, обошел и осадил и захватил его по причине голода в нем и, захватив сына деспота, отослал к его брату в тюрьму. Таким путем он захватил всю Сербию со всеми замками, что касается Смедерево – оно ему досталось без боя, так как город предпочел сдаться туркам, чем венграм.

Султан Мурад, приехав в Адрианополь, велел обоим сыновей деспота послать в заключение в замок на море, который называется Токат, и жена Мурада не могла ничем им помочь; он секретно отправил посла, так чтобы жена об этом не знала и повелел, чтобы обоим братьям были выколоты глаза; а когда она об этом узнала, она упала ему в ноги, прося его о прощении и чтобы он так быстро не спешил, и сказала ему: «Ведь они являются твоими пленниками и невольниками, и ты с ними сможешь сделать все, что захочешь». Султан тут же послал сказать, чтобы этого не делали, но его гонец не мог так быстро прибыть, и им были выколоты

глаза. Султан, узнав, что тот, кому было поручено это делать, так поспешил, велел ему самому выколоть глаза.

В Европе на время наступило затишье. Венгрия, которая на тот момент еще не имела правителя, достойного своего турецкого соперника, не могла противостоять турецкой агрессии. Поэтому, перед христианским миром стояла непростая дилемма: или покориться турецкому султану и признать его власть, с выплатой дани, или же пасть в неравном бою. Следует отметить, что большинство государств, особенно приграничные (Валахия, Молдавия, Сербия, Константинополь) за отсутствием альтернативы склонились на время перед турецким султаном. Однако, с приходом к власти Сигизмунда наблюдается усиление Венгрии. Положение Сигизмунда облегчалось тем, что он был связан узами родства почти со всеми правящими домами Европы. Если бы на тот момент, турки хотя бы немного сдержали свою агрессию, то возможно статус-кво сохранилось бы на некоторое время. Непомерное честолюбие турецкого султана не оставляло никаких надежд на благоприятный исход событий. Принимая во внимание недостаточность своих сил, Сигизмунд решает укрепить свои границы и под видом крестового похода пытается концентрировать военные силы на своей территории. Однако, эпоха романтизма по-видимому еще не прошла и обаянные жаждой подвигов и славы самые храбрые и влиятельные рыцари Франции и Европы неожиданно откликнулись на призыв. Историки отмечают, что сам Сигизмунд был испуган размахом движения, однако постепенно уверовал в возможность обрушить турецкую империю. Таким образом, начался печально известный Никопольский крестовый поход.

Никопольский крестовый поход (1396 г.)

Со времени первого утверждения турок в Европе в 1356 г. до падения Константинополя в 1453 г. прошло почти 100 лет; в течение этого столетия столицей падишаха был Адрианополь, опираясь на который падишах покорил сербов и болгар. Следует отметить выдающееся значение местоположения Константинополя, где выгодные условия местности сочетаются с богатством вспомогательных средств крупного торгового центра и узла путей сообщения. Эта мощь города еще раз проявилась в том, что турки успели раньше занять весь Балканский полуостров, прежде чем им сдался, наконец, Константинополь.

Королем Венгрии стал тогда, после женитьбы на наследнице престола, сын императора Карла IV, курфюрст Бранденбургский Сигизмунд, который в дальнейшем должен был сам носить императорскую корону. Он понял опасность, угрожавшую не только его империи, но и всей Западной Европе, и использовал все свои связи, чтобы всех поголовно поднять на ноги на защиту от турок. Происходя из рода графов Люксембургских, – из рода, говорившего на французском языке, – Сигизмунд издавна находился в дружественных отношениях с французами; его дед, король Иоанн, пал в сражении при Кресси, а папа Бонифаций IX, признанный в Германии, Италии и Англии, обратился с призывом ко всем христианам и приказал проповедывать крестовый поход.

Политическим фоном, обусловившим крестовый поход европейских войск к Никополю было быстрое распространение завоеваний османских турок в центральной части Европы и на Балканах во второй половине XIV столетия. Еще более османская угроза возросла после неудачной попытки Венгрии поднять восстание против османского владычества в Болгарии. Турки быстро разобрались, кто спровоцировал и кто был движущей силой этого бунта. В это время Византийская империя состояла из Константинополя (с несколькими незначительными поселками на примыкающей береговой полосе), Пелопоннесской Греции и северных островов Эгейского моря. На территории Греции находилось несколько мелких государств, управляемых крестоносцами, в то время как Болгария распалась на небольшие царства, которые скоро попали под османское владычество. Под давлением османских турок, всё глубже внедряющихся на Балканы, хрупкая Сербская империя также распалась на несколько небольших государств.

При этом возможность объединения православных балканских государств, с католическими странами, находившимися к северу от них, выглядела почти нереальной. Несмотря на то, что правящая дворянская элита была готова идти на компромисс, большинство же обычных людей предпочитало османское мусульманское господство католицизму венгерского королевства. Например, православные румыны Валахии и Молдавии воевали с католическими венгерскими правителями так же решительно, как и с турками.

На осколках территорий бывшей Византийской империи такие настроения распространялись со скоростью эпидемии. Они еще более усилились, когда Византия стала вассалом Османского государства. Повсюду проявлялась враждебность между армией и гражданскими лицами, между правящим дворянством и их подданными. Несмотря на то, что крестьянские и городские восстания середины XIV столетия были подавлены, власть над ними территориями у правящих кругов оставалась чисто номинальной. Большая часть земель Фракии и Македонии была практически необитаемой. Исключение составляли несколько укрепленных городов, окруженных фермами и огородами, чтобы хоть как-то прокормить свои давно уже нефинансируемые гарнизоны.

Тем временем, османская экспансия, казалось, тщательно планировалась и осуществлялась с удивительной планомерностью. Первые турки, начавшие захват территорий на Балканах, фактически не были османскими турками, но их раннее прибытие быстро поглотило более

мощное Османское государство. Первая османская столица находилась в Бурсе в Анатолии (). И Константинополь должен был бы пасть под ударами османских захватчиков гораздо раньше 1453 г. Но их задержка была отнюдь не милостью со стороны османских турок. Просто военные действия на границах, крестоносцы, а потом Тамерлан отвлекли их экспансионистские устремления от византийской столицы. Основные территориальные захваты были выполнены турецкими армиями, собранными в трёх пограничных районах – «усах»: одно вторжение на северо-восток во Фракию, непосредственно под командой турецкого правителя, один удар на северо-запад через Болгарию, под командованием Кара Тимурташа и, наконец, рейд в западную часть Греции, под командованием Гази Евреноса. *хоть по некоторым данным еще до Бурсы турки использовали в качестве столицы Дидимотихон. В годы основных османских завоеваний их столицей был Эдирне (бывший Адрианополь*

Тем временем, валашский принц Влад I Узурпатор подумывал об использовании османской помощи, чтобы укрепиться на троне и добиться независимости от Венгрии. Его конкурентом в борьбе за власть был Мирча Старый. Мирча был осторожнее. Вместо открытой борьбы или обращения к туркам он захватил старый болгарский деспотат Добружу, обеспечив своему княжеству доступ к Черному морю, и заключил договор с Польшей в 1389 г. В ответ османский командир Али-паша Кандарли захватил Никополь на Дунае. В 1391 г., османские турки совершили свой первый набег на земли к северу от реки. Это заставило Мирчу вновь вступить в союз с королем Венгрии Сигизмундом. В 1392 г., совместными усилиями Мирча и Сигизмунд захватили Никополь. Казалось, новая балкано-христианская коалиция уже находится в процессе становления. Но на следующий год османский правитель Баязид в скоротечной кампании вновь отвоевал ряд земель в этом районе. Болгарское королевство Тырново признало вассальную зависимость от турков. Видин и Сербия вернулись к статусу османских вассалов. При этом болгарские Тырновское и Видинское царства считались турками ненадежными вассалами, тогда как с Сербией Баязид всячески развивал дружбу и сотрудничество, используя эту страну как буфер против Венгрии.

В течение этого периода фактически пустовавшие равнины Фракии и восточной Македонии служили местами расселения избыточного населения Анатолии. Это переселение началось с нескольких кочевых групп пастухов-воинов, осевших в гористых регионах Фракии, на балканских землях они получили наименование «yurlük». Роль дервишей бекташи, которые сопровождали большинство османских отрядов, была гораздо важнее, чем это представляется современным исследователям. Они не только служили мусульманскими миссионерами, но и продвигали колонизацию, обеспечивая повторное заселение земель, опустошенных войной. Почему именно учение приверженцев ордена бекташи (основатель Хаджи Бекташ, жил а 1208—1270 г.г.), так привлекало переселенцев и янычар? Потому что им легче было исповедовать ислам в упрощенной, особенно с обрядовой точки зрения, форме (в своей трактовке веры Бекташ освобождал от обязательных пятикратных молитв, от поста в месяце Рамазан, от паломничества в Мекку и т.д.). Спокойное отношение бекташи к вину и разрешение связей с женщинами облегчало адаптацию в турецком обществе бывших христиан. Это был существенный момент, поскольку в конце XIV столетия пополнение турецкой армии шло в основном, из Фракии.

Важность итальянских колониальных застав на берегах Черного моря в ходе Никопольской кампании в то время не очень бросалась в глаза. Но Черное море было частью важнейших мировых торговых артерий. И центр этого транспортного узла находился в Крыму. Итальянцы доминировали на море. И хотя их политика во многих вопросах была двуличной, морские перевозки крестоносцев на итальянских судах в XV веке выполнялись с гарантией полной безопасности, обусловленной превосходством генуэзских и венецианских флотов. В конце XIV столетия наибольших успехов в колонизации добилась Генуя. Генуэзские форпосты, фактории, защищенные гавани и уже сформированные на их базе вполне автономные генуэзские коло-

нии были разбросаны по всему черноморскому и эгейскому побережьям. Здесь всегда находилось несколько сотен торговцев и авантюристов, готовых проникнуть по большим рекам вглубь континентальной Восточной Европы. Фактически, островная крепость Джурджу, всего в сотне километров от Никополя была, вероятно гунезского происхождения. А если так, то наверняка гунезские суда проходили по реке и до Железных Ворот на границе с Венгрией.

Королевство Венгрия существенно отличалось от своих западных союзников по крестовому походу на Никополь. Культурные и религиозные различия между его регионами были огромны. Королевство включало католические венгерские районы в центре и на западе, католическую славянскую Словакию на севере, область смешанного проживания католиков и православных на юге и в большей степени православный регион Трансильвании на востоке. Трансильвания фактически сохранила свой полуавтономный статус, но заселение ее саксонскими иммигрантами и действия монахов-миссионеров, пытавшихся навязать католическую веру православному населению, привели к увеличению напряженности. Некоторые местные воеводы, или принцы, приняли венгерскую культуру и католицизм, но другие эмигрировали со своими дружинами в Молдавию и Валахию. Политическое влияние Венгрии на вассальные территории по южной границе было существенно различным. Например, в Хорватии, Далмации и сербском регионе Максо венгерское правление было весьма эффективным, в то время как венгерская власть в Боснии была скорее теоретической, чем реальной.

Молдавия и Валахия временами принимали венгерский сюзеренитет, но потом вновь объявляли о своей независимости. Здесь в горах и предгорьях румыноговорящие лидеры колебались в своей политической ориентации, на прилегающих равнинах кочевые народы тюркского происхождения только недавно подчинились молдавскому или валашскому правлению. Такая же ситуация складывалась среди славянских общин, живущих вдоль нескольких больших рек.

Как Молдавия, так и Валахия богатели, контролируя важные торговые маршруты. В то же время Молдавия расширилась в северо-восточном направлении за счет земель, принадлежавших прежде монгольской Золотой Орде, Валахия хотела прямого доступа к Черному морю. В конце XIV столетия Валахия также достигла своего культурно-политического пика под управлением воеводы Мирчи Старшего. Однако её статус оставался неясным; валашские политические и военные структуры были нестабильными, отсутствовали традиции преемственности власти.

Королевство Венгрия было слабее, чем могло показаться со стороны. Когда Людовик I Великий, властитель Венгрии и Польши, умер в 1382 г., он оставил после себя грозную вдову Елизавету и двух дочерей – Марию в возрасте одиннадцати лет и Ядвигу девяти лет. Мария была коронована на следующий день после похорон Людовика, но поляки отказались признать ее своей королевой. Вместо неё они объявили своей королевой Ядвигу, таким образом окончился непродолжительный союз между Венгрией и Польшей. После того, как Ядвига вышла замуж за князя Ягайло, этот союз уступил место другому – между Польшей и Литвой. С детства Мария была помолвлена с Сигизмундом Люксембургским, маркграфом Бранденбургским, сыном императора Карла IV Германского. В действительности, он никогда не смирился с потерей Польши, которой надеялся править наряду с Венгрией. Но так как Сигизмунд и Мария по возрасту не могли пока вступить в брак, Венгрией управляла королева-мать Елизавета. Далее, проблемы престолонаследия ещё более усложнились: Кард Неаполитанский, правитель Южной Италии, принял у себя сына Людовика I Великого и поддержал его претензии на трон Венгрии. В 1385 г. он вторгся к Далмацию, Мария была вынуждена отказаться от престола, но тут Карл II (Дураццо) был убит сторонниками королевы-матери Елизаветы. Сторонники Карла борьбу за власть не прекратили и присоединились к бану Твартко, которому помогали венецианцы. Приверженцы Карла напали в Диаковаре на королев, перебили их сторонников, а затем удавили Елизавету на глазах дочери. В этот момент настало время

действовать королю Сигизмунду и он не растерялся – он освободил Марию. Партия Елизаветы перешла на сторону Сигизмунда, он был признан королем повсюду в Венгрии и короновался 31 марта 1387 г., в Секешфехерваре. Восемью годами позже Мария умерла. Многие из венгров полагали, что теперь Сигизмунд Немецкий потерял свои права на престол. В стране разгорелся дворянский бунт. В 1392 г., королю удалось подавить бунт венгерских вельмож, а стоявший во главе них Хорват (один из убийц Елизаветы) был взят в плен и предан мучительной казни. Но в своем правлении Сигизмунд был скорее «первым среди равных» дворян, чем самодержавный монарх. В течении второй части своего царствования Сигизмунд был коронован императором Германии. Но надвигалась беда, вскоре королю пришлось столкнуться с угрозой османского вторжения.

Как только османские турки продвинулись на север, венгры попробовали улучшить отношения со своими православными соседями. Они пожаловали Мирче Валашскому герцогство Фагараш и графство Северин. Однако события 1391 и 1392 г.г. убедили Сигизмунда, что в борьбе с турками помощью соседей не обойдешься. Венгрии нужна была помощь из Западной Европы. «По ту сторону границы» эти события убедили Баязида, что царство болгарского вассала Тырново ненадежно. И как только Сигизмунд призвал к крестовому походу, Баязид сокрушил Тырново и казнил болгарского князя. Пограничные замки в Дунайской Силистрии, Никополь и Видин были усилены и пополнены гарнизонами. Так мусульмане пытались закрепиться в стратегическом придунайском регионе. Для борьбы с турками венгры и валахи, в свою очередь, создали пограничную заставу напротив Никополя на северной стороне реки. Этот форпост получил название Никополис Минор (или Малый Никополис).

Баязид все ещё не чувствовал безопасности своих европейских границ. Поэтому зимой 1393—1394 г.г. он вызвал своих вассалов-христиан на совещание в Серее в Северной Греции. Здесь он выбрал серба Стефана Лазаревича доверенным вассалом. В то же время, император Мануил II был убежден, что Византия обречена и помощи искал не у православных соседей, а с Запада. По возвращении в Константинополь Мануил сбросил османский сюзеринитет и начал готовить город к новой турецкой осаде. Турецкие нападения на город не были чем-то из ряда вон выходящим, а происходили с пугающей регулярностью от случая к случаю, уже в течении восьми лет. Османские турки пока еще не имели тяжелой артиллерии, которая могла бы разбить стены Константинополя (как это случилось во время осады города полвека спустя), так что турецкие приступы к стенам Византии заканчивались грабежом окрестных селян и очередным замирением. Гораздо больше Константинополя Баязида волновали кровавые кампании Тимура или Тамерлана (Тимур-Ленка, что в переводе обозначает – «железный хромец»). Этот харизматический лидер татар был труднопрогнозируем, совершая свои бессистемные набеги во всех направлениях, где только на его взгляд орда могла взять достойную добычу. Византийский историк Дука пишет «Когда монголы Тимура выходили из одного города, чтобы идти в другой, они оставляли его настолько покинутым и пустынным, что не было совсем слышно ни лая собаки, ни крика домашней птицы, ни плача ребенка».

Пока турки осаждали Константинополь, Баязиду донесли о росте напряженности вдоль дунайской границы. Вероятно, речь идет о сражении при Ровине. О фактической дате этого сражения историки спорят. Но, по сербским летописям оно относится к 6903 г. (т.е. 1395 г.). Сражение произошло возле Ровина близ Букурешта на дороге в Крайово (которое ныне называется Келоджерово). Битва имела место во время османского набега на Трансильванию и Валахию, когда турецкая армия напала на семь венгерских укрепленных городов и замков. Сражение произошло при столкновении турок с войском воеводы Мирчи, вероятно, 17 мая. Согласно валашским летописям, эта победа над турками ненадолго обеспечила Мирче поддержку валашского дворянства и он, опять же ненадолго потеснил с валашского трона своего конкурента Влада. В стратегических целях, Мирча также разместил свои гарнизоны в Никополе, Миноре и Джурдже.

Однако, вскоре Мирча потерял контроль над территориями, которыми он управлял к югу от Дуная, и Сигизмунд тотчас же удвоил свои усилия, чтобы получить помощь из Западной Европы. Его послы посетили главные европейские столицы, подтвердив договоры с Францией, Венецией и несколькими германскими принцами, а также с Мануилом Византийским и Мирчей Валахским. Они также получили благоприятный ответ из Англии, от госпитальеров и из Арагона, управлявшего Сицилией и частью Греции. Вероятно, Сигизмунд надеялся провести относительно небольшую кампанию, отбросив турок от своих границ. Но западные монархи сразу заговорили о полномасштабном вторжении на османские территории. В мае король Карл Французский отправил письмо Ричарду II Английскому, в котором писал: «». Непосредственным результатом этих соглашений стал подъем специальных налогов – герцог Бургундский собрал огромную сумму в 700 тысяч золотых франков – в то время как венгры вернулись домой с ободряющими новостями. Конечно, венграм повезло, что их просьба совпала с четырехлетним перемирием в Столетней войне между Францией и Англией. Помощь обещалась со всех сторон. Основными организаторами и исполнителями в этом вопросе выступали бургунды. Герцог Филипп вел свою тонкую политику, с одной стороны, он любыми средствами старался усилить англо-французкую враждебность (пока Франция воевала с Англией, ей было не до Бургундии), с другой стороны, лидерство в крестовом походе могло стать демонстрацией мощи и власти Бургундии на фоне действий относительно небольших контингентов других европейских стран. В 1394 г., герцог Бургундский послал военную делегацию под предводительством Гульемо де ля Тремоля и Ренье По оценить ситуацию в Венгрии. Они вернулись, чтобы принять участие в военных обсуждениях в отеле д'Артуа в Дижоне (слово – «отель» в устах особ королевской крови превращалось из обыденной «гостиницы» в загородный охотничий замок, в котором собирался круг наиболее приближенных дворян). Там герцог Иоанн Неверский (в другом прочтении – Жан де Невер), сын Филиппа, обещал посвятить свой первый подвиг во славу Божью, Этот высокопарный слог означал клятву уйти в крестовый поход. Он также вызвался возглавить поход, несмотря на свою неопытность и разбитое плечо (результат недавнего падения с лошади). Решение об этом было принято в августе 1395 г. Праздничная месса совершалась в соборе Сен-Дени в Париже, но даже тогда графу Иоанну Неверскому не было присвоено рыцарское звание, поскольку он должен был получить эту честь подобно рыцарю Иисуса Христа в первом сражении против неверных». Фактически Иоанн Неверский руководителем похода считался лишь номинально, в то время как реально армией командовал граф Э. В число его многоопытных в военных делах советников входили адмирал Жан де Вин, маршал Бусико, сир де Бар, граф де ля Марше, и еще сир де Сампи, сир де Ройе и сир де ля Тремойль. Энтузиазм крестового движения был широко подхвачен малоимущими и неценными дворянами, число добровольцев было столь велико, что фактически только высшему дворянству позволялось присоединиться к армии. Бургундские камергеры приложили огромные усилия в украшении крестоносцев одеждой из парчи, золотили и серебрили упряжь, снабдив отряды графа Неверского «зелеными атласными палатками и туниками». Великолепие брони и вооружения трудно сравнить с чем-либо. Госпитальеры были также готовы присоединиться к крестовому походу, начиная с их гарнизонов в Родосе, Измире и других частях Эгейских островов, которым угрожали османские турки. Филиберт де Наильяк, великий магистр госпитальеров Аквитании, был согласен поддерживать поход и отбыл на Родос с подкреплениями. Римский папа Бонифаций IX был очень доволен успешной организацией крестового похода – этим он как бы выигрывал заочный спор со своим конкурентом – римским папой Бенедиктом XIII, находившимся в Авиньоне. Венецианский сенат был согласен присоединиться к крестовому походу, однако только в морских операциях, в то время как венецианские послы тайно вели отдельные переговоры с османскими дилерами. В политических вопросах Венецию больше интересовало лишь то, насколько вражда между странами повлияет на их торговый товарооборот. В феврале 1396 г., византийцы оплатили

снаряжение десяти боевых галер, строившихся в Венеции, для использования в придунайской области, однако в описываемых событиях они, похоже, участие не приняли. *Затем, справедливый брат. это будет справедливый момент... что вы и я для умилоствления грехов наших предков должны предпринять крестовый поход, дабы помочь нашим дружественным христианам и чтобы освободить Святую Землю... Ни много, ни мало – начать с Дуная и закончить в Иерусалиме*

В итоге, последний крестовый поход стал крестовым походом нового типа – со светскими правителями, выступающими инициаторами, и двумя римскими папами, благословившими его. Еще раз об энтузиазме – обогатиться мечтали все, продвинуться по службе – многие. Религиозный энтузиазм среди рядовых участников похода был почти нулевым – двоепапство, продажность церковной верхушки, протестантские движения в Богемии и Германии оставляли очень мало места религиозному фанатизму. Целью обычных солдат-крестоносцев был грабеж, почти несовместимый с идеалами Святой борьбы и Рыцарства. Дворянство воспринимало этот поход чуть ли ни как одну из форм рыцарского турнира, где можно было сверкнуть своим новым оружием, модной одеждой и доблестью в стычке с противником. Реальность борьбы с турками отступала на второй план: поход протекал в сплошных пирах и попонках, на которых обсуждали вопросы... завоевания Иерусалима.

Сигизмунд, маркграф Бранденбургский и второй сын германского императора Карла IV и Елизаветы Померанской, родился в 1368 г. В 1387 г, обрученный с Марией, дочерью короля Людовика I (Луи или Лайоша) Венгерского. Сигизмунд стал правителем Венгрии. В 1410 г. он был также выбран императором Германии и десятью годами позже – королем Богемии. Он умер 9 декабря 1437 г. Сигизмунд получил хорошее образование (пишут, что он бегло говорил на шести языках), имел мужественную и приятую наружность; у него была пылкая душа и меткий ум. Он был мужчиной с большими амбициями и неумной энергией. Сигизмунд организовывал походы против османских турок, пробовал искоренять ереси среди католических священников, пытался сгладить разногласия между католической и православной церквями. Пробовал закончить столетнюю войну между Англией и Францией и атаковал «еретиков» гуситов Богемии. Он был слишком непостоянен, нерешителен, не мог долго держаться какого-нибудь одного важного решения, сегодня желал одного, завтра – другого. Оттого он и не смог найти разрешения великих задач своего времени. Слишком подверженный чувственности, плохой хозяин, он скоро растрчивал все, что получал и постоянно находился в затруднительном положении. Хотя в царствование Сигизмунда наблюдалось значительное расширение городов и торговли в центральной Европе. *Опишем некоторых участников данного крестового похода.*

Валашский полководец Мирча Старый также заработал титул «Великий». Воеводой Валахии он стал в 1386 г. В стратегическом плане Мирча мечтал о захвате территории, обеспечившей бы Валахии выход к Черному морю. Он присоединился к балкано-христианскому альянсу. Участвовал в битве на Косовом поде в 1389 г. Возглавленное Мирчей Старым, валашское войско нанесло в 1394 г. в битве при Ровине поражение турецкой армии Баязида. Но, подобно всем средневековым валашским правителям, Мирча не отличался политической последовательностью и часто принимал то сторону Венгрии, то сторону набиравшей силу Османской империи. Каждая такая смена политической ориентации имела фактически одну цель – сохранить Валашскую автономию. Долгие годы это ему удавалось – он сохранял независимость страны и трон, используя могучих соседей Валахии. В сложившейся обстановке у него не было выбора принимать или не принимать участие в трагическом крестовом походе на Никополь. Впрочем, и здесь он сумел извлечь для себя политические выгоды. После сокрушительного поражения турок от Тамерлана к 1402 г., Мирча поддерживал различных конкурирующих османских принцев, пока они боролись за раздел Османского государства. Восстановление стабильности Османской империи положило конец этим политическим маневрам. Валахия стала

вассальным государством Османской империи. Произошло это, вероятно, вскоре после смерти Мирчи Старого в 1418 г. (хотя по другим данным – еще до смерти, в 1416 г.). За пределами Валахии репутация Мирчи была самой разной, часто диаметрально противоположной. Среди крестоносцев при походе на Никополь похоже только Энжеран де Куси относился к нему по-дружески, остальные западные военачальники – кто с презрением, кто со скрытым недоверием, в то время как турки считали его «» среди принцев христиан. *самым отважным и проникательным*

Иоанн, сын Герцога Филиппа Бургундского, родился в 1371 г. и провел большую часть своей молодости во Фландрии. Его фламандский девиз был «le houd» (Я никогда не отступаю). Иоанн начал играть общественную роль еще в 1384 г. и был почти немедленно титулован графом Неверским. За шесть недель до его 14-го дня рождения он женился на Маргарите Баварской и в течение будущих нескольких лет служил при дворе своего отца, набирая, военный и политический опыт. Иоанн стал Герцогом Бургундским в 1404 году, графом Фландрии и Артуа в 1415 г. Его описывали как «маленького брюнета с голубыми глазами, полным лицом, тяжелым взглядом, крепкой челюстью и массивной, чуть сплюсненной головой». Заработал ли он действительно свое прозвище «Бесстрашный» в сражении при Никополе, вопрос спорный, но он был единственным правителем Бургундии XV века, который мог компетентно управлять армией. Он считался грубияном. Иоанну не хватало обаяния, и он не проявлял никакого интереса к моде и деталям одежды, хотя большинство французских дворян интересовались подобными вещами. Граф Неверский был храбр, хитер и честолюбив, ему также нравилось наводить страх. К сожалению, в течение всего царствования Иоанна над всеми его поступками превалировала ссора с Луи Орлеанским, приведя к десятилетию гражданской войны между Бургундией и провинциями Арманьяка, что позволяло англичанам опустошать Францию. Он был убит в результате покушения в 1419 г.

Семейство де Наильяк было одним из самых влиятельных в исторической области Берри центральной Франции. Филиберт стал самым знаменитым представителем этого рода, но как младший сын в семье, он не наследовал земель и замков и вынужден был искать удачу на стороне. Свою политическую и военную карьеру он сделал в армии Ордена госпитальеров. С 1383 г. он был магистром Ордена в Аквитании. Филиберт де Наильяк сам распределил имевшиеся у него владения среди своих братьев, когда прозвучал призыв к крестовому походу. Сначала он был направлен в главную штаб-квартиру госпитальеров на острове Родоса, где в марте месяце неожиданно умер Великий магистр ордена Фердинанд де Хередиа (De Heredia). Филиберт де Наильяк был выбран Великим магистром на его место и почти немедленно снарядил эскадру галер госпитальеров на войну, направив войско рыцарей-ионитов к устью Дуная. После его возвращения на Родос, Филиберт де Наильяк командовал маленьким флотом, который продолжал где только мог атаковать османских турок, беспокоить их владения в Эгейском море, а также опустошать побережье, управляемое мамлюкскими султанами Ливана. Он умер в 1421 г.

Баязид I родился в 1354 г., он был сыном османского правителя Мурада I и Гюльчичек Хатун. Многие считают, что эта жена Мурада I была гречанкой. Баязид был назначен губернатором недавно завоеванной провинции Анатолия, примерно в 1381 г. и несколько лет нес ответственность за османские дела повсюду на Востоке. Баязид заработал репутацию храброго и стремительного солдата и прозвище Yildirim («Молниеносный»), после нанесения поражения эмирам Караманидам в 1386 г. Он был признан правителем после убийства Мурада в ходе сражения при Косово. После этого, Баязид женился на Марии, дочери короля Лазаря Сербского. Брат Марии, Стефан Лазаревич, новый Сербский правитель, сохранил лояльность вассала и дружбу до самой смерти Баязида. Единственной войной, в которой Баязида подвела его выдержка, стала битва с Тамерланом при Анкаре 1402 г., где Баязид был захвачен в плен. Он умер в плену на следующий год. Если отвлечься на мгновение от того, что он был опыт-

ным и умным полководцем, то надо сказать и о том, что Баязид был одним из первых османских правителей, которые покровительствовали искусству и литературе. Он также поддерживал мистические мусульманские группы. Его дочь Нилюфер («Водяная лилия», по общему мнению, женила на себе лидера дервишей Шухраварди.

Второстепенные военачальники играли только незначительную роль в чрезвычайно централизованной османской системе военного руководства. Однако среди них было несколько талантливых командиров. Самым опытным и старым из них был главный визирь, или «главный министр» Кара Тимурташ, сын знаменитого воина Кара Али-бея. Тимурташ впервые попал в исторические хроники ещё в период царствования Мурада, командуя османской армией на реке Тунка. С того времени, он усиленно воевал в восточной Болгарии, далеко расширил границы турецких владений и стал бейлербеем, или военным командиром османских территорий в Европе. В этой роли он сформировал два полка регулярной конницы, целиком состоящих из улuffedжи (улuffedжи «правой и левой руки» – два придворных конных полка регулярной службы» и вербовал в свое войско местных войнуков (войники – болгарские крестьяне, которые вместо уплаты части налогов несли военно-вспомогательную службу). За храбрость Тимурташ получил право носить штандарт с тремя хвостами. Он был первым бейлербеем, удостоенным этой чести, от него и пошел потом знак отличия достоинства паши: один хвост – мирдива, два хвоста – мирмиран, три хвоста – визирь. Несколькими годами позже он также заработал невысказанную благодарность Баязида, устранив опасного конкурента правителя (являвшегося зятем Баязида). Тимурташ был убит в 1405 г., в ходе анархических гражданских войн, которые охватили османское государство после смерти Баязида, и был похоронен в мечети, которую он основал в Бурсе.

Карьера Гази Евренос-бея была ещё более драматичной, согласно нескольким источникам, Евренос, сын Мусы Иса-бея Пранги, был родом из семьи византийского происхождения, которая перешла на службу к турецким правителям Карасы и приняла ислам в начале XIV столетия. Гази Евренос был одним из командиров в том войске, которое Орхан послал на помощь византийскому императору Кантакузину во время гражданской войны против конкурирующего императора Иоанна V. За участие в этой войне на стороне императора османские турки получили землю и крепости на европейской стороне Дарданелл в 1354 г. Евренос стал одним из самых успешных командиров на Балканах. Его победы затмевали военные достижения всех пяти приграничных Ук-беев, действовавших в Фессалонике, Македонии, Албании и центральной Греции. В отличие от большинства османских командиров того времени, Гази Евренос был верующим ортодоксальным мусульманином, совершившим паломничество (хадж) в Мекку и повсеместно воздвигавшим мечети, учреждавшим религиозные школы медресе, общежития для бедноты, минареты, женские монастыри, общественные бани и караван-сарай для торговцев. Во время его губернаторства в северо-восточной Греции, город Комотины стал одним из первых центров турецкой мусульманской культуры в Европе. Евренос умер 17 ноября 1417 г. Надпись на его могиле в городе Энидже-Вардар гласит: *«Перешедший из этого Переходного мира в Мир постоянства, приемник Божьего милосердия и прощения, благословенный мученик, борец Газавата, убийца неверных и язычников... Хаджи Евренос, сын Исы, да освятит Бог его могилу и пусть будет прах его угоден милосердию Всевышнего и деяния его одобрены*

Стефан Лазаревич был самым лояльным из балканских вассалов Баязида, он родился примерно в 1373 г., а наследовал трон своего отца, став королем Сербии после смерти Лазаря в битве при Косово в 1389 г. В это время Стефан был очень молод, и его мать, регентша Милица, вероятно, устроила брак между сестрой Стефана и Баязидом. С этого времени Стефан и Баязид стали свояками и союзниками вплоть до того момента, когда Баязид был схвачен Тамерланом при Анкаре. Стефан избежал преследователей Тамерлана и по пути домой посетил Константинополь, где император Мануил официально назначил его деспотом Сер-

бии. Гражданская война между конкурирующими османскими принцами предоставила возможность Стефану расширить территорию Сербии. Он также стал вассалом Венгрии и получил Белград, как награду от Сигизмунда, примерно в 1403 г. В свои последние годы жизни Стефан Лазаревич восстановил хорошие отношения с Османским государством. Он умер от старости и болезней в 1427 г. и был похоронен в монастыре, который он сам и основал в Ресаве.

В течение XIV столетия Франция была самой богатой страной Европы. Феодализм XII-XIII столетий уступил дорогу так называемому «извращенному феодализму» (в англоязычных источниках – *bastard feudalism*, при котором рыцари и оруженосцы служили за плату; а не из-за феодального обязательства. Было также искусственное возрождение рыцарских идеалов, но скорее это выглядело борьбой старого дворянства за поддержание своего социального статуса, которому все более и более угрожал богатеющий средний класс. Тем временем война по-прежнему оставалась одним из путей, по которому храбрый, способный к удачливый мог проникнуть в высшие слои общества.

Из всех регионов Франции, раздробленной междоусобицами на герцогства, графства, баронства – Бургундия на тот период была одной из самых могущественных – Герцог Бургундский конкурировал с королем по численности войск и его приобретение Фландрии предоставило контроль над одним из эффективнейших экономических районов Средневековой Европы. В пределах Бургундии вооруженные силы герцога формировались вокруг его «семьи»: свояки, близкие и дальние родственники составляли командирский костяк его постоянной армии. Ее ядро состояло из тяжелобронированных латников, способных сражаться верхом или в пешем строю. Небольшой контингент составляли конные лучники и арбалетчики (представлявшие по сути посаженную на коней пехоту). В дополнение к ним было немного легкой конницы.

Несмотря на то, что вышедшая в поход в 1396 году армия крестоносцев включала немного лучников и арбалетчиков, доля их в отряде графа Неверского (13.6%) была фактически больше, чем в традиционных бургундских армиях. Однако все-таки преобладал акцент на тяжелобронированных латников, и в численном составе, и в тактике. К тому же идеологический контекст крестового похода не соответствовал идее использования лучников и арбалетчиков, подразумевая исключительно наступательную тактику, мало подходящую для борьбы с османскими турками.

Чрезмерное доверие бронированной коннице отражало точку зрения бургундского дворянства, в среде которого старая аристократия пустила корни гораздо глубже, чем в какой-либо другой части Европы. Фактически, бургундская рыцарская масса полагала, что все они имеют в Европе высший рыцарский статус, превосходя рыцарей других земель. Даже проявившие большой героизм, мастерство и лояльность дворяне, лишь недавно получившие рыцарские звания, по бургундскому мнению, не могли идти ни в какое сравнение с дворянами, имевшими более длинные родословные. Как результат этого лояльность и рыцарский долг часто затмевали голос разума, честь для этих господ была существенно важнее, чем жизнь. Честь диктовала, что никогда нельзя отказываться от сражения с противником, хотя здравый смысл свидетельствовал, что иногда стоит и отступить. Результатом компромисса в этих вопросах были угрызения совести и бессонные ночи для многих командиров.

Увеличение роли пехоты, отмечавшееся в начале XIV столетия, до некоторой степени изменило взгляды 1390-х. особенно во Франции, Бургундии и Германии. Также важно отметить, что большинство из так называемых «генуэзских» арбалетчиков, служивших во французских армиях, были не генуэзского происхождения, хогь и вербовались через Геную. Бургундский обоз состоял из большого числа фургонов, которые, естественно, комплектовались соответствующим количеством возчиков. Все это могло превратить крестовый поход в движение неповоротливой медленной колонны, однако Дунай обеспечил крестоносцев транспортом. Большое число речных барж было собрано для их нужд в Регенсбурге, в Баварии. Дополни-

тельные суда были добавлены к крестовому флоту в Будапеште и возможно, в Вене, в то время как тяжелое вооружение должен был привезти флот крестоносцев по Дунаю из Черного моря.

Моральное состояние бургундского и французского контингентов было основано на вере рыцарей в их подавляющее военное превосходство над турками. Это отношение к войне хорошо отражает в своей поэзии бургундский поэт Эташ Лешами, писавший в 1386 г. – «». В этот раз их энтузиазм был велик как никогда: они грузились на корабли для выполнения самого престижного из всех возможных рыцарских предназначений – для участия в крестовом походе. К сожалению, многие из них не видели особой разницы между православными греками – христианами и мусульманами, воспринимая их одинаково как неверных. Даже знаменитый итальянский поэт и гуманист Петрарка писал, что «». *Храброе сердце всегда готово бороться. османы – просто враг, но православные греки ещё хуже, чем враги. Османы ненавидят нас меньше, они и боятся нас меньше. Греки... однако, куда опаснее, так и ненавидят нас всей душой*

Немецкий вклад в крестовый поход часто не упоминается. А зря. Конечно, бургунды играли в походе ведущую роль, и Франция всё еще оставалась неисчерпаемым источником рыцарства. Но и в Германии немецкая рыцарская армия XIV столетия во многом повторяла аналогичные структуры французов. Конница обычно была разбита на «глефены», они были фактически идентичны французским «копьям». Например, армия, описанная в 1373 г., состояла из полностью бронированных латников, поддерживаемых конными арбалетчиками или лучниками, в зависимости от тактической задачи состав армии, конечно, мог быть различным, но в любом случае превалировала тяжело бронированная рыцарская конница. Венгерские вооруженные силы в течение XIV столетия претерпели значительные изменения. Новая правящая Анжуйская династия королей ввела западноевропейскую военную систему формирования армии, используя существующие баронские армии и качестве ее основы. В то же время сохранились следы более ранних военных систем, в том числе, призыв в армию всего рыцарского класса, а также и военных из простых сословий, а в критических ситуациях в Венгрии практиковался призыв всего мужского населения. В результате могла собраться удивительно разношерстная армия, существенно отличавшаяся от той, какую в эти годы можно было встретить в Западной Европе. Ядром армии была бронированная конница, такая же, как в Германии или Франции. Вместе с тем, в Венгрии было много легкой конницы, включающей многочисленных конных лучников.

Рыцарские принципы и идеалы среди венгерского феодального дворянства не имели таких глубоких корней, как в Западной Европе. Как говорится, в их среде сохранилась кровная связь с восточными степями, венгры все еще чувствовали значительную родственность к туркам и другим степным народам. Еще более западное феодальное и рыцарское влияние было ограничено в Трансильвании и южных славянских провинциях, где вооруженные силы по большей части состояли из милиций, с их собственными местными князьями. Это была фактически легкая конница, которая отличала венгерскую армию. Структура армии сохранила архаичные для Центральной Европы черты деления на племена. Войско делилось на шесть кланов и 24 рода, каждое такое подразделение должно было состоять из сотни легкой кавалерии плюс ополчение. Печенеги, переселившиеся в Венгрию и относительно небольших количествах, были скоро ассимилированы. Но были ещё и кипчаки, или куманы, прибывшие в эти места в больших количествах и относительно недавно, их вытеснили на запад монголы. Их переселение было связано с многочисленными боевыми столкновениями. Наконец, были ирано-говорящие осетины или аланы, также вытесненные из восточных степей монголами. Эти племена служили конными лучниками, однако феодализация их вождей привела постепенно к оседлости народов и снижению их военной значимости в конце XIV столетия. Потребность армии в легкой коннице была очевидной, потому в 1395 г. король Сигизмунд издал указ, что каждого венгерского вооруженного копьём тяжелого кавалериста должны сопровождать два верховых

лучника. Через полстолетия после Никополя Бертран де ла Брокье отмечал, что венгры «*использовали удивительно прочные копья... Они сражаются на турнире один к одному и всегда попарно... На территориях между границами Австрии и Богемии распространены легкие арбалеты. В Венгрии есть лучники с луками, подобными тем, что и у турок, но они не такие хорошие и не такие сильные. Что касается людей, то стрелки хорошие, но не выдающиеся. Венгры стреляют тремя пальцами, а турки – указательным пальцем и специальным кольцом*

Однако конница превалировала в венгерских войсках, пехота была не очень многочисленной. Часто ее нехватку компенсировали зарубежные наемники. Примером тому может служить включение в армию значительного числа итальянских наемников в конце XIV столетия. Наемники, представляли из себя, в основном арбалетчиков. Бертран де ля Брокье, писавший о сражении при Никополе говорит: «*Он (король Сигизмунд) привел с собой 25000—30000 венгров, и только 200 ломбардских и генуэзских арбалетчиков*

Говорят, что Сигизмунд был сторонником оборонной стратегии и планировал кампанию в 1396 г. как «защитную». Хотя вряд ли он планировал пассивную оборону. Но возможные набеги должны были опираться на развитую сеть крепостей и замков в направлении главного удара. А вот крепостей-то, на южных границах Венгрии было и недостаточно. Вероятно, поэтому Сигизмунд с готовностью принял предложение крестоносцев о глубокой наступательной операции. В конце XIV столетия замки южной границы Венгрии скорее служили олицетворению баронской власти, а не интересам защиты границ государства. Усиление юго-восточной границы было осуществлено после сражения при Никополе.

Большинство участников кампании при Никополе описывали валахов, как ненадежных союзников, которые отступили в самый критический момент. Фактически они были существенной силой на поле боя, но их преданность идеям крестового движения действительно была под вопросом. В валашской армии доминирующие воины были из румыноговорящих валахов. Их общество (и армия) строилось по родовым, а не феодальным принципам. Часть населения Валахии жила замкнутыми родами в небольших обособленных горных долинах и была мало связана с другими родами. С другой стороны, по равнинам к северу от Дуная кочевали тюркско-монгольские народы, также признававшие себя подданными валашского воеводы. Валашская военная организация, возможно, была примитивна, но считалось, что валашские воины – одни из лучших на Балканах. Некоторые из них сражались как конные лучники; другие были известны своими навыками воевать в лесистой местности. Большая доля войск состояла из посаженных на коней пехотинцев, именовавшихся «войниками» или «лунаками», в то время как элитная конница именовалась «витязями» или «рыцарями». Третьим источником солдат для армии была постоянная пограничная охрана Валахии – «страдиеры», чье название происходит от византийского термина греческого происхождения «страдиоты» (феодалная военная элита). Вместе с небольшим числом иностранных наемников эти валашские военные контингенты формировали «куртены» («семьи», «семейные полки») под командованием воевод и бояр.

В румынской истории Мирча ассоциируется с созданием регулярной валашской армии, основанной на более ранних формированиях «доробантов». Доробанты были постоянно действующим народным ополчением или милицией. Их название с турецкого дословно переводится как «охрана проходов» (имеется в виду охрана перевалов, мостов, границ) Впервые валашская «Большая армия» упоминается в документах именно в период правления Мирчи, когда она была собрана в результате призыва свободных мужчин от районов, известных как Джудет. Возможно, это произошло в 1374 г., но более или менее регулярная «Большая армия» появилась только в начале XV столетия.

Один из главных факторов, влиявших на исход этого крестового похода, в литературе часто упускается. Поговорим и о нем, упомянем подавляющее морское превосходство крестоносцев, в значительной степени основанным на флотах Венеции и Генуи. К тому же, это

преимущество действовало и вдоль крупных рек, впадавших в Черное море, в частности – Дунай. Самой главной генуэзской колонией на Черном море была Каффа в Крыму. Здесь находился специально назначенный генуэзский военный представитель, ответственный за защиту всех генуэзских застав на берегах Черного моря. Он командовал хорошо экипированной милицией, включающей многочисленных арбалетчиков и даже имел свой собственный флот. Итальянские галеры могли совершить набег на любую точку вражеских побережий и были способны захватить даже довольно сильные береговые укрепления. Но по сравнению с генуэзцами и венецианцами присоединившиеся к походу госпитальеры обладали гораздо менее значительными силами, однако их роль и походе было очень велика. Воины-госпитальеры были самыми фанатичными Священными Воителями, культивируя особую нетерпимость ко всем неверным и отступникам от христианской (католической) веры; обычно они убивали турецких мусульманских пленных, а православных греков брали в плен.

Традиции османской кочевой жизни в организационном плане могли очень мало дать для набирающей силы османской империи. Потому основные государственные и военные структуры турки строили по персидско-исламскому образцу. Вместе с тем, созданная армия отличалась от армий большинства мусульманских стран, хотя бы тем, что на определенном этапе в армию привлекалось большое количество балканских греков-христиан. А местная греческая военная знать продвигалась по служебной лестнице в командных структурах турецкой армии (причем не только в пограничье в Румынии, но и в Анатолии). Привлечение немусульманских войсковых контингентов было более характерным для пограничных районов. Командиров-христиан нижнего звена было великое множество, в среднем звене – единицы, для выдвижения на ведущие посты следовало принять мусульманство.

Центральную власть на османскими турками осуществлял правитель, который был пока только эмиром, а не султаном. За пределами войск его непосредственного подчинения были бирумы – «внешние отряды», включавшие чиновников, службу и охранные подразделения, как, например, знаменитые янычары. Все служившие в бируме были известны как «рабы», хоть фактически многие из них были свободны. Что больше всего удивило западных наблюдателей, так это дисциплина всей военной структуры турок. Как позже отмечал Бертран де ля Брокье: *«Нет никого, кто бы попытался рискнуть, чтобы превысить свои полномочия, не опасаясь немедленной смерти. Я думаю, что это одна из причин, почему они так много достигли и успешны в войнах...»*

Регулярные профессиональные подразделения османской армии стали формироваться с первых дней Османского государства, и опять же в их основу были положены персидско-исламские принципы формирования армии, а не турецкие традиции. Конница доминировала в османских армиях не по значимости, а по мере усиления Османского государства и по численности: несколько новых кавалерийских полков было создано в течение XIV столетия. Они формировались из тимариотов – владевших ленным пожалованием «тимаром». Тимариоты были обязаны нести военную службу перед султаном и являться на войну с определенным числом воинов «джебели». Тем временем все увеличивающаяся стоимость войны приводила к бюрократизации государства в самом конце XIV столетия: создание Османского государства, подобного установленным мусульманским государствам Среднею Востока. Число солдат, которое должен был привести каждый из владельцев тимара было различным и было документально зафиксировано при выделении ленного владения. Эта система имела много общего с византийской системой феодальных поместий – проноис, что в принципе, легко позволяло османским завоевателям превратить существующие проноисы и их балканские аналоги в новые тимары.

После элитного дворца или сторожевых полков османская армия делилась на две части, формировавшиеся в Анатолии (в восточной части государства) и Румелии (в западной части Балкан). Каждой командовал бейлербей. Каждая имела свое белое знамя беев с символом воен-

ной провинции. Все эти старшие офицеры получили свои знамена непосредственно от правителя, и такие знамена отражали в символической форме полномочия правителей, а не статус офицера непосредственно. По внешнему виду они существенно отличались от западных геральдических знамен. Были, однако, интересные параллели между османскими и западными силами, в наибольшей степени, проявлявшиеся на нижних уровнях организации отрядов. Например, румелинскнй гондер представлял собой маленькое подразделение из трех-пяти воинов, сражавшихся и маневрировавших и бою вместе. Это слово, вероятно, произошло от греческого *kontarion*, которое обозначало «копье» конницы и было практически полным аналогом западноевропейского кавалерийского «копья». Главным источником военно-теоретических взглядов османских турок XIV столетия был мамлюкский султанат Сирии и Египта, где процветали традиции мусульманской военной теории, от стратегии в широком смысле этого слова до индивидуального обучения боевым искусствам. Большинство военных текстов были написаны по-арабски, поэтому понять их мог только наиболее обученный турок. С другой стороны, турецкий язык уже был общим языком военных командиров в восточной и центральной частях мусульманского мира, также как и в евразийских степях к северу от Черного моря. Несколько мамлюкских военных трудов, включая работы по *furusiyya* (военное искусство в самом широком смысле) были переведены на турецкий язык. Представляется весьма вероятным, что они, в конечном счете, достигли османского государства.

Сражение при Никополе может рассматриваться как пример классической мусульманской тактики, в которой была занята сильная позиция, защищенная полевыми укреплениями. Эта позиция использовалась как опорный пункт для нанесения контрудара. Другим аспектом османской военной тактики, которая неприятно удивила западных командиров, была хорошо налаженная разведка. Турецкие военачальники имели очень полные сведения о силе противника, его перемещениях и намерениях Их команды при управлении на поле битвы передавались быстро и четко, воины были дисциплинированные и... трезвые.

Если обсуждать исключительно османские регулярные подразделения, то общая картина сражения будет искажена, поскольку османская армия включала большое число гораздо менее подготовленных воинов. Основу армии по-прежнему составляли родовые силы турок. Они формировались на принципах ранних османских армий. Эти отряды собирались по первому требованию правителя и в значительной степени состояли из конных лучников, являвшихся представителями групп (*osaks*) мужчин данного рода. В то время, как один из группы шел на войну, его товарищи оставались дома, выполняя необходимые работы и оплачивая его расходы.

Большинство из тех турецких родовых сил, которые переселились в Европу во второй половине XIV столетия, скоро эволюционировало в «акинджи» – легкую иррегулярную конницу, ставшую неким подобием казаков – пограничных войск с собственной структурой управления, к которым постепенно присоединилась часть местного населения, в том числе, и христиан. Балканские народы вскоре доказали, что они являются выгодным контингентом для вербовки акинджи, и в результате эти солдаты стремились говорить на местных языках и хорошо знали страну. Они, подобно другим османским балканским силам, были организованы в подразделения «левой руки» и «правой руки» также, как и регулярные османские солдаты. Наемная регулярная мусульманская конница конна XIV столетия, набранная в армию первыми османскими правителями для пополнения поредевших турецких родовых полков, эволюционировала в легкую кавалерию, которая на марше мчалась впереди армии, чтобы гарантировать, что дороги и мосты находились в исправном состоянии. Большая часть османской конницы состояла из «тимарли», которых часто по ошибке относят к сипахам (сипахи – конница феодального ополчения, так же, как и полки регулярной дворцовой конницы. Тимарли обычно служили только с марта по октябрь, возвращаясь на зиму, домой, чтобы подкормить своих лошадей и осуществить хозяйский надзор за своими имениями. Прибыли

от таких наделов (тимаров) именовались «боевыми деньгами». Командование могло дополнять эти доходы премиями за хорошую службу. Отдельными премиями поощрялось продвижение по службе. Владельцы больших тимаров должны были выставить на службу вместе с собой до пяти вооруженных сопровождающих воинов, известных как «джебели», все вместе они собирались и сражались под белым знаменем их бея. Значительная часть балканской конницы тимарли были христианами, в прошлом – честной военной аристократией, принявшей османские законы.

Лучшая османская конница являлась дворцовым корпусом из шести «бюлюков» или полков, под непосредственной командой правителя. Чаще всего их называют сипахами, хотя оно было названием только одной конкретной полка. Остальные были «силахдары» (оруженосцы правителей), «улуфежди» «оставленные» полки правой и левой руки соответственно), «гарибы» – не османские мусульманские полки правой и левой руки). Их численность была невелика – несколько сотен в каждом полку, но они были великолепно вооружены и тяжело бронированы.

Османская пехота также делилась на регулярные подразделения и резерв. За исключением войск обеспечения солдаты самого нижнего разряда служили в качестве вооруженного трудового корпуса. Большая часть османских пехотинцев состояла из «азабов» – вид легкого пехотного войска, возникшего еще до организации янычарского корпуса: лучники и пращники, набравшиеся из мусульманского крестьянства. По переписи заранее было определено количество воинов от каждого селения или группы семей. Очень мало отличаясь, по сути, от нерегулярных войск, азабы, как лучники, были весьма эффективны, если в бою их строили бок о бок с элитной пехотой – янычарами. Фактически, численность азабов быстро увеличилась, начиная с 1380 года, во многом этому способствовало принятие арбалета, обучиться стрельбе из которого было много проще, чем из лука. В последующем, азабы в основном служили во флоте и приморских крепостях

Самой знаменитой османской пехотой были, конечно – янычары. В ходе османских завоеваний в юго-восточных Балканах, турки взяли очень много военнопленных. В отличие от своих врагов христиан, османские турки редко убивали пленников, и большое количество молодых невыкупленных пленников были привлечены на турецкую службу. Лучшие из них были объединены в шесть конных полков. Османские правители также создали элитарный пехотный полк, так называемой «Новой армии» – что и является переводом слова «янычары». Не ясно, сколько таких полков или батальонов уже было сформировано во времена Никополя, но лучшие янычары уже составляли одно из церемониальных охранных подразделений Баязида.

Контингенты турецких вассалов, различные по численности и качеству, действовавшие в составе войск турецкого анатолийского бейлика, были весьма ненадежными. Отдельный отряд («*muteferrikas*») включал сыновей старших османских дворян так же, как и принцев-вассалов, но они служили в османской армии в большей степени как заложники лояльности своих владений османскому правителю. Войнуки были балканскими вспомогательными христианскими войсками. Малочисленные лагаторы, возможно, были наиболее боеспособным подразделением войнуков, Их название, вероятно, происходит от византийско-греческого *allagator* (воин провинциального военного отряда).

Яркие заметные боевые знамена и военная музыка играли существенную роль для поднятия османского боевого духа. Об их применении в боях имеется множество свидетельств в течение всей мусульманской истории. Несколько флагов в армии были религиозного оттенка. Другие отражали в символической форме присутствие правителя или военачальника соответствующего ранга примерно так же, как это было принято и в европейских армиях. Вот как серб Константин Михайлович писал через поколение после Никополя; «». *Одно знамя было белым, заполненное золотыми надписями, и знамя это было знаменем верховною командующего, что означало что властитель всего сущего, султан, под этим знаменем. Второе знамя*

было красным, и это было знамя дворцовой конницы (шесть полков войников). Третье знамя было зеленым и красным. Четвертое – красным и золотым, и это была пехота янычар

В течение XIV столетия военная система, напоминающая западноевропейский феодализм, достигла своего окончательного развития в землях православных христиан на Балканах. Вообще говоря, западные Балканы подверглись большему феодальному влиянию европейцев, чем восток, а север более, чем юг. Большой частью в конце XIV столетия славянские балканские страны управлялись боярами или крупными феодалами с различными местными титулами, каждый из которых имел свою достаточно мощную военную свиту.

Сербия полностью соответствовала описанной схеме. Хотя формально армия короля была централизованной и теоретически управлялась «большим воеводой», «меньшим воеводой» и «тысячниками», но в то же время местный термин «витязь» был очень близок по значению к европейскому «рыцарю», и в войске проявлялись негативные черты феодальной раздробленности. Богатство Сербии, базировавшееся в те годы на серебряных шахтах, позволяло местным правителям закупать в Италии высококачественное оружие и броню. Многим представителям военного дворянства были выделены феодальные владения. Доходы с этого владения использовались для вооружения витязя и комплектации его отряда. Меньше известно о сербской военной аристократии, именовавшейся, как и в Болгарии, войнуками, но в Сербии это были не крестьяне на турецкой службе, а представители военного дворянства. Служили войнуки в рядах относительно тяжелой бронированной конницы. Их военная организация неясна, но тактические подразделения из 50, 100 и 1000 воинов. В добавление к феодальному военному ополчению и наемникам сербский правитель мог также объявить всеобщий военный призыв свободных мужчин, сопоставимый с созывом «Большой армии» Валахии.

О сербской тактике в бою известно мало. Вероятно, она имела много общего с тактическими приемами болгар и византийцев такого же периода. Согласно византийскому императору Мануилу II, писавшему примерно в 1400 г., каждый сербский дворянин уже к возрасту 16 лет должен знать – «». В открытых сражениях как сербская, так и болгарская конницы стремились изначально размещаться впереди пехотного строя. *как управляться с луком и копьем, уметь скакать на лошади*

Идея, что крестоносцы в своих планах намеревались двигаться до Иерусалима – миф. Однако реальная цель выступающей в поход армии никогда не формулировались. В деталях Сигизмунд также вряд ли планировал полностью оборонительную статическую кампанию, поскольку было невозможно удерживать большую средневековую армию в одном районе относительно долгое время. Он, вероятно, прежде всего, хотел вторгнуться в Болгарию, чтобы отбросить подальше турецких захватчиков от венгерских границ. Сигизмунд, возможно, также предпочел, чтобы армия прошла через Трансильванию в Валахию, подтверждая шаткую преданность как трансильванцев, так и влахов

Французские и бургундские командиры, боясь карпатских перевалов, стали двигаться вдоль Дуная, надеясь на поддержку кораблей снабжения и планируя отделить Сербию от Османских государств. Потом они, вероятно, намеревались с боями пройти по Болгарии, чтобы захватить османскую столицу Эдирне, восстановить остатки Византийской империи и отбросить османских турок обратно в Анатолию. Если это и было их намерением, то тогда вполне объясним захват Никополя как очень удобной базы при дальнейшем движении на юг.

Однако, армия крестоносцев 1396 года, как и многие армии того периода, имела недостаточно ресурсов для длительной кампании. Цветные шатры были очень привлекательны, большой обоз обеспечивал бытовые удобства, запасы вина позволяли проводить регулярные пиры... Но все это более походило на рыцарский турнир, чем на войну. Руководители похода, к сожалению, пренебрегали советами командиров, имевших опыт борьбы с османскими турками. И, наконец, окончательным трагическим результатом этой кампании, обусловленным

военным высокомерием и недооценкой врага, стало то, что крестоносцы столкнулись с лучшим командиром своего времени – Баязидом Молниеносным.

Стратегия Баязида накануне крестового похода заключалась в установлении его контроля над объединенной Болгарией, без которого османская позиция в Европе была нестабильна. Единственным крупным укрепленным городом на северной дунайской границе был Видин, который пока находился на землях болгарского вассала, а не на османской территории. Другие опорные пункты вдоль Дуная были меньше, однако некоторые из них, подобно Никополю, прикрывали важные пункты переправ через эту стратегически важную реку.

Баязид фактически сделал Никополь форпостом османской власти в этом регионе, доверив её оборону опытному ветерану Доган-бею. Но опыт – опытом, а османским туркам очень не нравилось распыление хороших войск по гарнизонам, вместо элитных частей основной армии для них целей использовались балканские вспомогательные подразделения или войска вассалов, именно из них формировались гарнизоны крепостей и укрепленных городов. Такая стратегия позволяла использовать основное ядро османской армии для главных кампаний даже после захвата обширных территорий.

Как только крестоносцы вторглись на османские земли. Доган-бей получил приказ стойко обороняться любой ценой. Важная роль, которую подчеркивал Баязид в своих приказах гарнизону Никополю, возможно, указывает, что он разгадал намерения своих противников. К тому же, кампания имела место, когда османские лошади откормились на зерне недавнего урожая, и большая часть его армии была уже собрана для осады Константинополя. Удачно для турков складывалось и то, что свое очередное наступление кровавый завоеватель Тимур в тот момент предпринял где-то в другом месте их территорий. Результатом всех этих обстоятельств стала полная победа турок.

В официальном объявлении похода, местом сбора бургундских и французских крестоносцев был назван Дижон. Срок сбора был назначен к 20 апреля 1396 г. Другие приказы определяли правила организации и подчинения в армии крестоносцев, порядок снабжения и дисциплины. В приказах было указано, что в сражении граф Неверский и его компания всегда претендуют на авангард. К сожалению, это и привело к поражению при Никополе. Другие дошедшие до нас приказы проливают свет на дисциплинарные правила в этом походе. Например, дворянин, вызвавший ссору, мог потерять свою лошадь и упряжь, тогда как недворянин, угрожающий ножом в ссоре, потерял бы руку, а поймай его кто-то на краже – лишился бы уха.

Документов подобного рода сохранилось достаточно много, и они дают полную картину, что представляла из себя армия крестоносцев в действительности. Она была сформирована вокруг военного клана, или двора графа Неверского, который был фактически элитарным дворянским клубом, армией внутри армии. В начале кампании, двор имел сбалансированную военную команду, структуру, состоявшую из 108 рыцарей, 107 оруженосцев, 12 лучников и 22 арбалетчиков. Остальная часть бургундского и французского контингента в значительной степени состояла из аналогичных дворов других старших дворян. Бусико, например, взял 15 рыцарей и 70 «джентельменов».

Большое число документов посвящено перечню знамен с объяснением их важности и значения. Герцог Бургундский велел приготовить не меньше 16 знамен для своего сына, графа Иоанна Неверского, демонстрируя тем самым свою заинтересованность и духовную близость с уходящими на Востоке крестоносцами. Восемь знамен несли изображение Девы Марии, покровительницы крестных походов, четыре были белыми и четыре – синими, при этом все восемь несли геральдические знаки Бургундии. Филипп де Муси был избран знаменосцем. Его эскорт составили три старших рыцаря: Жак де Курзамбле, Жан де Блэзи и Дамас де Буксе. Личный вымпел графа нес оруженосец Жан де Груту с эскортом из двух оруженосцев (Филиппа де Кантона и Хьюго де Луны). Эскорт графа состоял из шести рыцарей от его «отеля» – Гульема де Мело, Жана де Блэзи, которые эскортировали знаменосца, Жана де Сен-Кро, Хелиона де

Наильяка – брата Фили-берта де Наильяка). Джулиана де Вии и Джеффри де Шарни. Офицеры тылового обеспечения также были набраны из числа служивших в дворе графа.

Большинство военачальников набиралось из двора герцога Бургундского с таким расчетом, чтобы опытный дворянин мог дать правильный совет молодому графу Неверскому. Этот список включал Филиппа де Бар, адмирала Жана де Вин, Гая де ла Тремойль, Гильема де ла Тремойль и Одара де Шасерон. Другие дворяне призывались для решения сложных стратегических вопросов, в этот список советчиков входили: Жак де Бурбон, граф де ла Марше, Анри де Бар, Филипп де Артуа, констебль Франции: граф де Э и маршал Бусико. Энжеран де Куси прибыл из Италии незадолго до экспедиции, его рекомендовали герцог и герцогиня Бургундские, как самого опытного рыцаря Франции. Он также согласился присоединиться к крестовому походу. С третьей группой высокопоставленных бургундских рыцарей также иногда консультировались: Анри де Монтбельяр, Ацри де Шалон, Гульем де Вин, Жан де Шалон, Жак де Вин, Гульем де Мело, Джеффри де Шарни, Жан де Шарни, Жан де Три и Хелион де Наильяк – бывший камергер герцога Бургундии. Некоторые из этих рыцарей сформировали ещё один образцовый эскорт графа Неверского.

Отряд графа Неверского включал 35 рыцарей, уже участвовавших в крестовых походах, правда, все их кампании проходили в Прибалтике или в Северной Африке. Только Жан де Вин имел личный опыт войны с османскими турками, участвовав в августе-декабре 1366 г. в крестовом походе – Амадеуса Савойского к Дарданеллам и в Болгарию. Конечно, другие рыцари, не из двора графа, имели неплохое представление об османских армиях, а некоторые из них даже послужили наемниками на османской службе.

Тем временем к крестовому походу присоединились немногочисленные контингенты, собранные в Германии. Их возглавил курфюрст Палатина, граф Рупрехт Роберт Пипан, старший сын герцога Роберта III Баварского. Кроме него, в походе участвовали один из трёх графов Катцелленбоген, бургграф Иоганн III фон Нюрнберг и другие рыцари из Баварии, Майсена, Тюрингии, Саксонии, Хессе, Рейнланда, Швабии, Эльзаса, Штеймарка и Люксембурга. Рыцари Истрии выступали под командованием графа Цилли Германа. Говорят, что в крестовом походе были и некоторые англичане, возможно, под предводительством графа Хоитингтона. Небольшой контингент прибыл из испанского Арагона, было еще несколько польских рыцарей.

Нельзя сказать, что эта акция веры была однозначно воспринята всей Европой. Существовали и противники крестового похода. С критикой похода выступил известный проповедник Филипп де Мезьер, утверждавший, что все делается неправильным путем. Будучи уже в возрасте почти семидесяти лет и живя при женском монастыре селестинок в Париже, Филипп активно выступал против тех, кто организовал крестовый поход, но они пренебрегли его советами и соответственно у участников крестового движения не было ни идеологической основы, ни моральной цели. И именно поэтому, рыцари двигались на восток под знаменами «». Он предсказал, что закончиться все это должно поражением. *Леди Тщетные Амбиции – самой могущественной дамы в мире*

В Дижоне собранным бургундским и французским крестоносцам был выплачен аванс за четыре месяца вперед. Для 133 членов двора графа Неверского были сшиты ярко-зеленые ливреи. Начиная с 20 апреля 1396 г., в Дижон стали прибывать бургундские и французские крестоносцы. Энжеран де Куси и Анри де Бар с небольшим отрядом французских рыцарей уже направились в Венгрию через Милан и Венецию. 30 апреля Граф Иоанн Неверский присоединился к своим войскам в Монтбельяре. Дальнейший путь на Восток он осуществил вместе со своей армией.

В марте 1396 года, Хередиа, гроссмейстер госпитальеров, умер на Родосе. Большой Совет выбрал его преемником Филиберта де Наильяка. Прибыл ли он к этому времени на Родос из Франции – не ясно, но вскоре де Наильяк уже вооружал эскадру галер госпитальеров, комплектовал экипажи, чтобы присоединиться к кораблям в Венеции, с генуэзского Хиоса

и Митилена (современный Лесбос), как это и планировалось. Первая стадия марша крестоносцев на Вену прошла гладко. 11 мая 1396 года, муниципальный совет Регенсбурга принял решение о выделении барж и лодок для осуществления снабжения и транспортировки крестоносцев по Дунаю. Немецкие отряды под командованием графа Палатина Рупрехта и графа Катцелленбогена объединились с французами и бургундами в Регенсбурге. 21 мая 1396 года, франко-бургундский авангард под командованием де Э и Бусико достиг Вены, следуя тремя днями позже основных сил. Там их по-царски развлек герцог Австрии, однако некоторые из священников, сопровождающие армию, уже получили жалобы о безнравственности солдат.

Тем временем, Энжеран де Куси и его небольшой отряд достигли Милана, где их миссия склонить Джанголеаццо Висконти к участию в походе окончилась неудачно. Он только что потерял контроль над Генуей, а тут ещё и дело его дочери Валентины рассматривалось во французском суде. Ничуть не обескураженные, де Куси и де Бар убыли из Милана в Венецию, где, как указывают хроники, они сели на корабль до Сенджа на управляемом венграми далматском побережье. Оттуда отряд де Куси, вероятно, двинулся прямо к Будапешту, где они присоединились к другим уже прибывшим отрядам крестоносцев, в том числе, к отряду под командованием бастарда графа Савойского, богемским рыцарям, нескольким тевтонским рыцарям и полякам. Венгры также собирали свои войска, было здесь и некоторое число валахов под командованием воеводы Мирчи.

Речной флот из 70 судов и барж также шел под парусами вниз по Дунаю из Вены в Буду. На нем главные силы армии крестоносцев прибыли в город в конце июля. Численность армии, которая, в конечном счете, расположилась лагерем у стен Будапешта, поразила короля Сигизмунда, заставив его написать, что «». Однако истинная численность христианского войска и по сей день остается темой для споров историков. Фактически крестоносцев, вероятно, насчитывалось приблизительно 16 тысяч воинов. Традиционно турецкие источники считают, что османских солдат было около 10 тысяч, но когда к ним присоединилась их балканские вассалы, численность армии Баязида возросла до 15 тысяч. Одно совершенно ясно – армии, сошедшиеся в бою у стен Никополя, были примерно равны по численности. *если бы небо начало падать, то копья христианской армии удержали бы его от падения*

Стратегия, преследуемая крестоносцами, была в конечном счете согласована в Будапеште. Сигизмунд ожидал османского вторжения, но этого не произошло, и венгерская разведка не обнаружила никаких главных османских сил возле границ. По этой причине французы и бургунды объявили Баязида трусом, боявшимся сойтись с их армией в открытом бою, и настаивали на непосредственном наступлении вглубь турецкой территории, с чем Сигизмунд неохотно согласился. Фактически какой-то вариант похода на Балканы был бы принят в любом случае, ведь, недаром с крестоносцами двигался флот, недаром он собирался на Черном море.

Миклош Гараи, палатин Венгрии, привел авангард войска вниз по левому берегу Дуная. Авангард состоял из французов и бургундов, замыкал колонну король Сигизмунд с главными венгерскими силами. Тем временем, конвой судов поставок шел под парусами по реке. В Оршове, в нескольких километрах вверх по течению реки от узкой стремнины Железных Ворот, большая часть отрядов крестоносцев собралась вместе, чтобы пересечь Дунай. С одной стороны реки, поднимались южные отроги Карпатских гор, с другой – простиралась холмистая местность восточной Сербии. Форсирование реки заняло восемь дней, и почти сразу франко-бургунды продемонстрировали свое плохое отношение к местным православным христианам. Они, конечно, находились на территории страны османского вассала, но население было почти сплошь венграми и тяготело к своему северному соседу. Священники и монахи крестоносцев убеждали военачальников проявлять сдержанность в обращении с христианами, но, как вспоминал один церковнослужитель из Сен-Дени: «». *С таким же успехом они могли проповедовать глухим ослам*

Франко-бургундская самонадеянность, возможно, проявилась в полном отсутствии осторожности в течение следующей стадии марша к Видину. Не совсем ясно, что в это время делала речная эскадра крестоносцев, продолжала ли она движение вниз по течению после Железных Ворот? Однако большое число речных судов, о котором сообщаемся при описании осады Никополя, скорее всего, говорит о том, что было именно так.

Часть венгерской армии двигалась к Никополю другим маршрутом – через Трансильванию, пересекая Карпаты в Валахии. Этот путь проходил в стороне от места сбора контингентов в Трансильвании, но рейд преследовал несколько иные цели. Под командованием Мирчи, крестоносцы изгнали из Валахии своего конкурента проосманского правителя Влада, укрепившегося теперь с небольшим османским гарнизоном в Малом Никополе. Вероятно, восстановив контроль над Валахией, Мирча связался с крестоносцами на кораблях, стоявших уже внизу устья Дуная. Точное расположение флота неизвестно, однако вполне вероятно, что это была генуэзская колониальная застава Киллия. 44 судна, под командованием знаменитого венецианского адмирала Томмазо Моченито, покинули Родос в августе. 29 или 30 августа 1396 года, все эти корабли или большая часть армады по сигналу Мирчи поднялась вверх по течению Дуная.

Согласно французскому хронисту, Жану Фруассару, захватчики после форсирования реки, напали на несколько укрепленных пунктов, включая замок Белградчик, который сопротивлялся, пока армия крестоносцев двигалась вперед к Никополю. Один из командиров этого форта сумел якобы предупредить Баязида о вторжении. Это может быть и верно, однако к тому времени османский правитель уже получил массу предупреждений из других источников.

Видин был столицей маленького болгарского княжества, вассала Османского государства, но он часто переходил из рук в руки и даже некоторое время удерживался венграми в 1360-х. Городской замок был сильным, а его ров был заполнен водой из Дуная. Но когда в начале сентября армия крестоносцев прибыла к воротам города, болгарский правитель Иоанн Страхмир открыл городские ворота. Очень маленький османский гарнизон, по сообщениям командира войнуков – вспомогательного отряда «греческих христиан» был немедленно вырезан и заменен 200—300 захватчиками. Это было первым боевым столкновением крестоносцев с неверными. За проявленную «доблесть» графу Неверскому и 300 его воинам было церемонно присвоено рыцарское звание.

Сильно укрепленный город Оряхово находился на высоком берегу Дуная и был окружен высокой стеной, от которой сейчас ничего не осталось. Это был пункт паромной переправы через реку и граница Османской территории, поэтому город был усилен войсками. Надеясь захватить гарнизон врасплох, группа из 500 французов и бургундов под командованием констебля дэ Э и маршала Бусико двигалась всю ночь, чтобы атаковать на рассвете, не дожидаясь поддержки венгров. Однако местные жители уничтожили мост надо рвом и внезапное нападение потерпело неудачу, пока прибытие венгров не убедило защитников, что сопротивление бесполезно. Османский командир отправил парламентариев в лагерь крестоносцев, предлагая отсечь себе руки, в обмен на жизнь жителей и войск гарнизона Сигизмунд был склонен пойти на это предложение, но другие крестоносцы утверждали, что их воины уже измерили стены и с малыми жертвами возьмут этот город. Действительно, город был взят ими очень быстро, а за штурмом последовала резня. Жертвами резни стали как мусульмане, так и православные христиане, однако крестоносцы захватили в плен многих из наиболее зажиточных горожан и, возможно, офицеров гарнизона в надежде заработать выкупы. Еще раз венгры почувствовали, что их король оскорблен.

Тем временем венецианские, генуэзские транспорты и суда госпитальеров приделали путь вверх по течению Дуная. 12-дневный маршрут по широкой реке не составил никаких трудностей для средневековых судов. Повсюду до Никополя Дунай имел ширину около одного километра, хотя, если считать острова и болота, то в дельте ширина реки была много больше. Флот,

вероятно, прибыл 10 сентября 1396 года и бросил якорь вне радиуса обстрела из луков, ожидая главную армию, прибывшую двумя днями позже.

Никополь стоял на высоком крутом берегу, доминируя над этим участком Дуная. Это был важный речной порт с налаженной паромной переправой, расположенный вблизи рек Олт (текущей с севера через Валахию почти от Трансильвании) и Осам, чья долина тянулась по направлению к центральной Болгарии.

Никополь являлся одним из важных стратегических пунктов в нижнем течении Дуная. Он был самым сильным укрепленным опорным центром, который туркам удалось захватить при их экспансии на север. Его укрепления недавно были усилены, большим и хорошо подготовленным гарнизоном крепости командовал многоопытный офицер – Доган-бей.

Шедший в авангарде франко-бургундский контингент разбил свой лагерь фронтом на Никопольскую цитадель, в то время как Сигизмунд и его венгры расположили свой лагерь фронтальной частью к городу. Фортификационные сооружения Никополя с нескольких сторон стояли на высоких утесах, но к юго-востоку местность перед стенами была равнинной, хоть и пересечена несколькими оврагами. При двух штурмах города, бургунды и французы сделали несколько штурмовых лестниц, а венгры прорыли два больших подкопа по направлению к стенам. Тем не менее, пока все попытки взять город терпели неудачу, поскольку, как свидетельствуют летописцы более поздних лет, у крестоносцев не было стенобитных машин. Это, вероятно, какая-то ошибка Действительно, по суше не было привезено с собой никаких осадных машин, но маловероятно, чтобы крестоносцы не предусмотрели потребности в осадной технике. Возможно, что осадная техника оставалась на борту судов или возможно, Никополь имел такие естественные преграды перед стенами, что командиры крестоносцев склонились к блокаде в надежде втянуть Баязида в генеральное сражение. Это была, конечно, общая стратегия, и, в конечном счете, гарнизон от голода когда-нибудь бы да сдался, в то время как крестоносцев снабжали лодки с дружественной валашской территории.

Никаких новостей относительно Баязида, спешившего деблокировать осажденный город, не поступало. Однако идея, что крестоносцы были настолько самонадеянны, что пренебрегали правилами и не вели разведку на окружающих территориях – почти наверняка миф, пытающийся объяснить поражение армии христиан в результате их собственных ошибок. Однако, продовольствие из Валахии должно было ограничить потребность в рейдах далеко вглубь на недружелюбную территорию к югу. Благочестивые летописцы также преувеличили снижение морали в лагере крестоносцев. С другой стороны, напряженность между венграми и франко-бургундами явно возрастала: православных валахов беспокоило поведение крестоносцев по отношению к местному православному населению, многие из которых были, вероятно, валахами. Тем не менее, более поздние летописцы с удивлением отмечают полное доверие командованию православных контингентов армии крестоносцев. Никаких гуманных идей Возрождения западные рыцари с собой не несли, скорее, наоборот. Например, местные жители, отваживавшиеся произнести вслух очевидную мысль, что Баязид скоро будет здесь, лишались ушей как «торговцы слухами». С другой стороны, слухи о расправе в Оряхово дошли до жителей Никополя, и гарнизон города защищался стойко и отчаянно. И когда была снята осада, их командир, Доган-бей, получил титул «Герой веры».

Во время начала вторжения крестоносцев Баязид и лучшие его армии осаждали Константинополь или находились в районе Эдирне. Информация от османских разведчиков была полной и достоверной, так же, как и у предшественников Баязида. По некоторым данным, он снял осаду Константинополя и сжег всю осадную технику, которую нельзя было легко увезти из-под стен, как только крестоносцы покинули Будапешт. Прохождение крестоносцев через узкие Дарданеллы и Босфор, едва да можно было скрыть, и факт, что эти корабли не сделали никаких попыток помешать османским войскам переправляться с азиатского берега на балканский, свидетельствует лишь о том, что большинство турецких войск было уже в Европе. По легенде,

Баязид собирал свои силы возле Эдирне, когда шпион принес ему копию письма византийского императора Мануила Сигизмунду Венгерскому, где содержался вопрос: «*». Почему вы медлите? Турки готовятся к вашему прибытию, они усиливаются*

Информация с османской стороны об этой стадии кампании очень отрывочна, однако византийский летописец Дука заявил, что Баязид, по нашим сведениям, на много дней раньше нации Запада [крестоносцев] собрал свою полную армию с восточной стороны и двинул ее на запад. Кроме обычного состава он усилил ее солдатами, осаждавшими до этого Константинополь. Согласно османским летописцам, Баязид послал Гази Евренос-бея вперед с большим отрядом легкой конницы, по-видимому, чтобы разведывать и контролировать вражеские перемещения, в то время как вокруг Константинополя поддерживалась свободная блокада. Возможно, это и явилось причиной, почему византийцы были не в состоянии принять участие в морских действиях крестоносцев.

Баязид также призвал войска своих балканских вассалов, чтобы они не атаковали крестоносцев, а собрались вместе где-нибудь между Эдирне и Пловдивом. Огромная армия была собрана очень быстро. Во многом это произошло благодаря мобильности провинциальной конницы, быстро собравшейся под белые знамена своих беев и направившейся к главному пункту сбора, тогда как менее мобильные войска остались на местах для охраны собственных территорий. Командование армией в целом было сосредоточено в руках Баязида, в то время как его молодые сыновья теоретически отвечали за Румелийский и Анатолийский территориальные контингенты, их поступки контролировал старый и надежный визирь Кара Тимургаш-бей. Контингенты вассалов, собранные вокруг Пловдива, с сербами под командованием Стефана Лазаревича прибывали через Софию. По отчетам, опустошенные войной земли простирались до территорий по реке Марица, что приблизительно дает нам возможность судить о землях, на которых проходила мобилизация.

Область сбора войска между Эдирне и Пловдивом находилась к югу от патрулей крестоносцев и ими не контролировалась.

К указанному периоду Баязид мог мобилизовать османскую армию за шесть недель. При этом, под его знамена успела встать сила, превышающая численность крестоносцев, что явно застало западных рыцарей врасплох. К слову, это ещё не предел, в 1484 году мобилизация большой османской армии с осадной техникой и доставкой на театр боевых действий от Эдирне по Дунаю заняла всего три недели. В 1396 году Баязид собирался медленнее, но шел быстрее.

Обратимся к «Danishmandname», одному из ранних образцов османской турецкой литературы, датированному 1360-ми годами. В этом произведении так описаны сборы на войну: «*». Их сеньоры взяли свои военные платья и лошадей, так как и религиозные знамена, флаги, прославленные героями в прошлых сражениях, большие барабаны и небольшие, но золоченные барабаны*

Обычным порядком следования османского войска было направление в передовой дозор крупного отряда легкой кавалерии. При Никополе эту задачу решали подразделения акинджи, вероятно, под командованием Гази Евренос-бея. Их задачей помимо поиска противника было освидетельствование состояния дорог, мостов и перевалов. За разведчиками следовал авангард регулярной конницы, потом двигалась главная часть пехоты, дворцовая конница правителя, оружейники и солдаты специального назначения (саперы, артиллеристы, обслуга). Фланги колонны защищала конница феодального ополчения провинций – сипахи. Они же охраняли находившийся в тылу обоз. Их задачей помимо поиска противника было освидетельствование состояния дорог, мостов и перевалов. За разведчиками следовал авангард регулярной конницы, потом двигалась главная часть пехоты, дворцовая конница правителя, оружейники и солдаты специального назначения (саперы, артиллеристы, обслуга). Фланги колонны защищала конница феодального ополчения провинций – сипахи. Они же охраняли находящийся в тылу обоз.

Главная османская армия, двигающаяся из Эдирне в Тырново, и сербы, марширующие от Пловдива, пересекли высокий Балканский хребет по перевалу Шипка, 20 и 21 сентября. Окончательное объединение войск произошло к Тырново 21 или 22 сентября. Именно здесь, османская армия была обнаружена венгерской разведкой под командованием Иоанна из Маро, опытного «бана» из земель вокруг Белграда. Тем временем, патрули османской разведки обнаружили лагерь крестоносцев у стен Никополя.

По всей видимости, основные силы османской армии ни разу не были атакованы до самого подхода к Никополю. 24 сентября 1396 года, Баязид разбил свой лагерь на холме, в нескольких километрах к югу от города. Турецкий роман «Varga ve Gulsah», написанный Юсуфи Меддахом в конце XIV столетия, в красочных деталях описывает лагерь турков: «». *Заиграли дудки и барабаны. На возвышенности были выставлены бунчуки, копья, флаги и знамена, имевшие наверху в виде полумесяцев. Вся армия, полк за полком, отряд за отрядом, медленно снимала свою броню, мешавшую проведению работ. Кавалеристы спешили со своих лошадей, они расположились со стороны лагеря противника. Их палатки, веревочные оттяжки и плетеные заграждения защищали от ветра и солнца. Потом они установили шатер предводителя и палатки других военачальников*

Османские источники утверждают, что ночью Баязид пробрался к стенам Никополя и переговорил с Доган-беем. Это была разведка, и вряд ли он пытался передать в город подкрепления или продукты питания. Фактически османский летописец Несри говорит, что они были и не нужны – Командир гарнизона вроде бы сказал Баязиду: «». Согласно тому же источнику, Баязид ответил ему: «» *Наши запасы обильны, ну а весть о том, что наш султан здесь, поднимает наш дух и не даст проиграть Видя ваше мужество, я продемонстрирую вратам мужество не меньше вашего. Вы увидите, что в бою я буду подобен вспышке молнии!*

В предстоящем бою, Баязид решил применить традиционную мусульманскую тактику: выждать атаку противника, выстоять под его ударом и нанести ответный удар. Эта тактика была не новой, так что никаких сюрпризов для крестоносцев она не обещала. Но, дополняя обычные построения такого рода, турецкие пехотинцы соорудили полевое укрепление в виде частокола на направлении главного удара. Согласно более поздним военным руководствам XIV столетия, написанными египетскими мамлюками, подобные укрепления должны были состоять из траншей и палисада с промежутками, защищенными пешими лучниками и конницей. Европейские отчеты о Никополе описывают отраду из заостренных кольев, составившую некий эквивалент палисада, но нигде не упомянуты канавы (хотя и в более позднее время османские армии рыли подобные полевые укрепления).

Лагерь крестоносцев теперь оказался между вражеской армией с фронта и вражеским гарнизоном с тыла. При этом не было никакого укрепления или ландшафтного препятствия, чтобы закрепиться в случае отступления. При отходе в Валахию, на их пути труднопреодолимой преградой был Дунай. Можно сказать, что армия крестоносцев попала в ловушку, но об этом рыцари не особо задумывались, поскольку наступательная тактика французов и бургундов не предполагала обороны, а только наступление.

Глубокая тактическая разведка была осуществлена 24 сентября 1396 года, если не раньше. В ней приняли участие Мирча с его валахами плюс отряд немецких крестоносцев де Куси, с частью французов и бургундов. Детали этого боевого столкновения не упомянуты нигде в османских источниках, в то время как европейские хроники весьма путаны и явно приукрашены. Инициатором этого разведывательного рейда был, вероятно, Мирча. Сигизмунд позволил ему взять тысячу воинов с целью легкой разведки. Он вернулся к королю и рассказал, что он видел 20 знамен, и под каждым знаменем было по 10000 воинов, и каждое знамя стояло отдельно от других». Другими словами, Мирча доложил, что османская армия состояла из 20 крупных подразделений. Сейчас очень непросто ответить на вопросы о разведывательном «набеге» де Куси – каковы были его цели, кого он атаковал. Однако, есть все основа-

ния предполагать, что отряд де Куси столкнулся с акинджи Гази Евренос-бея. Французских рыцарей возглавляли Рейно де Ройе, Жан де Сампи, камергер Бургундии, Штален де Буве. Их отряд насчитывал 500 латников и примерно такое же число конных арбалетчиков или лучников, в последнем случае, возможно, это были валахи и венгерские проводники. Согласно Фруассару, основные силы турков были обнаружены в то время, когда они прикрывали подход обоза и развертывание лагеря, но де Куси у Фруассара – герой и благодетель, потому он приказал отвлечь на себя передовой турецкий дозор и подготовил встречную засаду. Потом двести французских конных рыцарей продолжали преследовать турок, тогда как остальная часть крестоносцев начала дружно кричать «Богородица с Энжераном де Куси!», поскольку им казалось, что они уже уничтожили всех турок. Преувеличенное количество жертв со стороны турок, возможно, было результатом похвалы валашских друзей де Куси. Напомним, что он был практически единственным французским дворянином, который ладил с Мирчей. «Набег» де Куси может действительно был частью большой разведки Мирчи.

24 сентября 1396 года, случилось еще одно событие, о котором потом крестоносцам пришлось немало пожалеть. Опасаясь вылазки гарнизона Никополя, в результате которой турки могли освободить своих соотечественников, содержащихся в плену, крестоносцы устроили резню нескольких тысяч пленных, захваченных в Оряхово. Такие действия были вполне обычными на западноевропейских полях сражений, но для османских турок эта жестокость была внове. У крестоносцев к тому же не было ни желания, ни времени, чтобы похоронить покойников, и потому следы убийства пленных остались на виду, вызывая у турок справедливый гнев.

Сражение при Никополе началось в понедельник 25 сентября 1396 г., на открытой земле вблизи стен города. Его точное расположение, однако, до сих пор точно не установлено. Ни одно из предполагаемых историками мест не соответствует во всех деталях имеющимся описаниям в источниках. Наиболее вероятное место поля битвы, располагается на холме на полпути между Никополем и современным селом Белавода. В наше время это уже не дорога, а едва наезженный сельский проселок от вероятного местоположения ворот в средневековых стенах Никополя через брод к перекрестку дороги, ведущей к Тырново.

Позиция Баязида была на небольшой возвышенности по сравнению с плато к юго-востоку от Никополя и была выбрана с учетом естественных складок местности. Левый фланг позиции прикрывался лесным массивом, в то время как её правый фланг защищала пересеченная местность, переходящая в болотистые низины вдоль Дуная. Наиболее важным элементом позиции была узкая, заросшая деревьями низина по фронту холма.

Османское построение было относительно простым и полностью соответствовало традициям анатолийских турок XIV столетия. По традиционной османской тактике пеших лучников разместили впереди главного построения конницы, составляющую мощный центр строя с небольшими силами на флангах, которые можно было легко направить вперед, пытаясь охватить фланги противника. По традиции балканская или румелийская конница размещалась на правом фланге, как это было обычно в турецких построениях в сражениях на территории Европы. Анатолийская конница была с левого фланга. Пехота находилась в центре, защищенном высоким частоколом из заостренных деревянных бревен. Некоторое число янычар, вероятно, находилось между обычными пешими стрелками – азабами для поддержания стойкости строя, хотя некоторые источники и пишут о поддержке стрелков корпусом дворцовой конницы Баязида. Это вряд ли, перед пехотными шеренгами находилась не дворцовая, а легкая конница акинджи. Её целью было втянуть вражескую кавалерию в рукопашный бой и подвергнуть её нападением конницы с флангов. Тем временем, Баязид располагался в тылу на некотором расстоянии позади холма, окруженный своей личной охраной и, по-видимому, дворцовыми полками «правой» и «левой руки». К одному из флангов дворцового подразделения, вероятно, примыкал сербский контингент под командованием Стефана Лазаревича. Дальнейшие детали, записанные в победном панегирике битвы при Никополе, указывают, что провинци-

альной румелийской конницей командовал сын Баязида, Сулейман Челеби, поддерживаемый Али-пашой Кандарли и румелийскими бейлербеями Фирузом, Малкочем и Тнурташем. Анатолийской провинциальной конницей командовал другой сын Баязида, Мустафа Челеби, поддерживаемый анатолийским бейлербеем пашой Кара Тимурташем, включая войска турецких вассалов, по большей части из бывшей территории караманского эмира под командованием Мехмед-бея, Турхан-бея, Бесир-бея и Тахир-бея. Баязид планировал спровоцировать крестоносцев на атаку, а затем ударить их в фланги, пока защищенная частоколом пехота будет удерживать их фронтальный удар. Однако франко-бургундские рыцари прорубились через османскую пехоту много быстрее, чем ожидалось. Они так быстро наступали и так легко пробивались через турецкие ряды, что вскоре оторвались от венгерских частей, и армия крестоносцев фактически разделилась на две части.

За исключением валашских и трансильванских вассалов короля Сигизмунда, моральное состояние обеих армий было очень высоким. Но в плане дисциплины христианская и мусульманская армии различались очень существенно. Подобно большинству западноевропейских армий, крестоносцы не были особо обучены действовать в строю, сменять друг друга в случае усталости или поломки копья. И хотя в результате их первого удара османские турки обратились в бегство, но, отойдя назад, они сумели переформировать свои ряды позади первоначальных позиций и продолжить сражение. Крестоносцы же были готовы для первого сокрушающего удара, они стремительно атаковали, «подогретые горячим вином и куражом». Но после достигнутого успеха они растерялись. Во время вчерашнего совещания, перешедшего в рыцарский пир, было высказано немало язвительных замечаний по отношению друг к другу, но тактический план на завтрашний день согласован не был. Сигизмунд призывал к осторожности, его поддерживал де Куси, предлагавший разобраться – не собирается ли Баязид напасть первым. Он также предлагал послать трансильванскую и валашскую легкую конницу, чтобы очистить область от турецких разведчиков акинджи. Мирча согласился с этой миссией и предложил (отложить нападение, пока его люди не отгонят турецких конных разведчиков от лагеря крестоносцев. И вот тогда, по мнению Мирчи, французским и бургундским латникам стоило атаковать главные силы османских турок при поддержке венгров и других крестоносцев. Услышав это, многие из бургундских и французских лидеров были взбешены: видите ли, им предстояло ждать, пока первые шаги против турок предпримут те, кого они между собой уже расценили, как крестьян. Граф д'Э объявил: «». *Да, да, король Венгрии хочет добыть себе всю славу и всю честь!*

Сигизмунд согласился уступить первые линии построения, и на следующее утро бургунды и французы заняли позицию на фронте армии. Сзади них в более широких шеренгах строились венгры, немцы, госпитальеры и, вероятно, чехи (богемцы) и поляки. На правом фланге находились трансильванцы под командованием Лачковича и с левой стороны валахи под предводительством Мирчи. Правый фланг был менее прикрыт неровностями ландшафта, потому с этой стороны разместили войска, отдохнувшие в процессе спокойного плавания на баржах вниз по течению Дуная. По левому флангу атаки были менее вероятны – здесь был довольно густой подлесок, тянувшийся в двух оврагах до самой западной стены Никополя.

Рано утром, 25 сентября 1396 года, Сигизмунд послал своего главного маршала, чтобы убедить своих союзников не бросаться в атаку на турецкую позицию слишком необдуманно, так как она выглядела очень неплохо защищенной. Граф Неверский немедленно собрал своих советников. Де Куси был согласен с советом Сигизмунда, но граф де Э схватил знамя Богородицы, начал размахивать и кричать – «». Опытный де Куси ужаснулся и повернулся к адмиралу де Вину, но тот с галльским равнодушием пожал плечами и произнес: «»». Де Куси и де Вин советовали подождать, пока за французским авангардом построятся венгры, но граф де Э настаивал на непосредственной атаке. Произошел обмен колкостями по поводу мужской храбрости, и никто не хотел быть пристыженным, так что нападение было начато немедленно.

Граф де Э командовал авангардом. Граф Неверский, де Куси и основные силы шли следом за ним. Атака была столь неожиданной, что даже не все крестоносцы успели к ней присоединиться. Рыцари, оруженосцы и маленький отряд конной пехоты двигались вперед, поддержанные несколькими немцами и крестоносцами из других контингентов, включая нескольких валахов. *Вперед! Во имя Бога и Святого Георга! Сегодня вы увидите меня доблестным рыцарем Когда правда и обстоятельства не слышны, должно править высокомерие*

Единственные османские солдаты, замеченные разведывательными партиями крестоносцев, были легкой конницей акинджи на склоне холма после узкой части, ограниченной подлеском, поднимавшемся из низин. Говорят, что они заметили частоколы из заостренных кольев и ряды османской пехоты. Но это не повлияло на картину боя. Сначала разведчики крестоносцев включились в перестрелку с акинджи в начале плато, а потом тяжелая кавалерия напролом ринулась вперед. Дворцовые полки Баязида и сербский отряд были скрыты за выпуклостью холма.

Возможно, веря в европейский миф, что турецкие армии состояли из легких, почти небронированных всадников, франко-бургундский контингент двинулся вперед по направлению к краю плато, не ставя в известность Сигизмунда. Сначала они спустились по полому скату в неглубокую низину перед холмом, а потом ринулись на холм, продираясь через плотный подлесок и деревья. Акинджи были конными стрелками, потому тактика не предлагала копейного боя с тяжело бронированной конницей противника, обычно они маневрировали на поле боя, стреляя и отступая. Европейская хроника подтверждает, что эта плохо бронированная османская легкая конница была рассеяна европейскими рыцарями при первом ударе и оставила перед франко-бургундами османскую пехоту, спрятавшуюся позади частокола. Фактически акинджи, вероятно успели лишь несколько раз выстрелить из луков по передним рядам противника, а потом, разбившись на отряды, отступили на фланги.

В этот момент франко-бургунды сделали краткую остановку, обусловленную неожиданно крутым подъемом, покрытым лесом заостренных кольев, и многочисленностью пехоты, построенной в двух больших отрядах. Сегодня деревья и кусты не простираются далеко вверх по холму от фронтальной низины, и легко представить, что крестоносцы были для османских пеших лучников великолепными целями. Хроника крестоносцев сообщает предельно ясно о плотности турецкой стрельбы. Согласно биографии Бусико «», *Град и дождь не бывает столь плотным, каким был поток стрел в этот день Бусико призывал своих воинов ускорить движение вперед, чтобы избежать смерти труса от стрел*

Вопрос, спешили ли крестоносцы в этой фазе боя, чтобы взобраться на холм и разрушить частокол, или атаковали турецкую позицию верхом, вероятно, не будет однозначно решен никогда. С одной стороны, дать приказ рыцарям сойти с коней мог только очень авторитетный командир, какового в их рядах не было. С другой стороны, наклон холма в ряде мест был очень крут. И опять же, многие лошади были ранены стрелами и брошены их наездниками. Во всех источниках говорится, что эти лошади ускакали обратно к лагерю крестоносцев. В результате много сброшенных с коней крестоносцев продолжили атаковать склон пешими, и то время как другие еще верхом пробивались к турецким шеренгам. Те, что были пешими, приблизились к частоколу и пробили в нем немало брешей. В то время как османские лучники давали залп за залпом из своих луков, но, вероятно, они были немало напуганы тем фактом, что против западноевропейских доспехов их стрелы имели гораздо меньший эффект, чем ожидалось. Османский составной лук имел большую энергию, точность и дальность выстрела, чем западноевропейский большой лук, но... предназначался исключительно для легких стрел. Незащищенных лошадей поразить такими стрелами было можно, а пробить насквозь высококачественный тяжелый доспех, защищавший жизненно важные органы, фактически было нельзя.

В самом конце XIV столетия турецкая эпическая поэзия постоянно ссылается на зрелище европейских воинов, «». Например Дестан-паша Умур, спустя поколение описавший битву при

Никополе, основываясь на источниках XIV столетия, описывает утро нападения армии крестоносцев, в которой «». В другом месте он описывает азабов, столкнувшихся с таким страшным врагом «». *целиком покрытых голубой сталью враг одетый в броню и панцири, их конно-бронированные, их кольчуги поражали, их рукавицы, их защита рук, их защита ног, их шлемы – все сияло и мерцало на свету Некоторые держали в руках копье, остальные – меч, нанося удары по голубой броне их врагов, в то время как другие размахивали кинжалами*

За относительно короткое время крестоносцы, прорвавшиеся через бреши в частоколе, в большинстве своем добрались до небронированной пехоты. Атакованные французами и бургундами в центре на относительно узком фронте, выжившие османские пехотинцы, вероятно, бежали на фланги, быстро спускаясь с холма. Традиционная османская история описывает это, как ловушку, в которую угодили крестоносцы. Но если, это так и было задумано, то от ловушки почти ничего не осталось, и турки были очень близки к полному поражению. Бургунды и французы разогнали османскую конницу, находившуюся позади пехоты. Возможно, это были акинджи, но в некоторых источниках говорится и об отборных сипахах, охранявших промежутки между двумя пехотными подразделениями. После разгрома центра османской позиции более опытные де Куси и де Вин приказали своим рыцарям остановиться и сплотить ряды, хотя более молодые воины, «», настаивали на преследовании противника, намереваясь нагнать врагов и разграбить османский лагерь. Но тут вместо этого они сами были атакованы с флангов провинциальной конницей сипахов. В результате началась отчаянная рукопашная схватка, в которой некоторые крестоносцы, потерявшие своих коней, пешими нападали на лошадей противника с кинжалами или мечами. Тяжелые потери понесли обе стороны, прежде чем сипахи отошли к флангам. Все это случилось на крутом склоне, на самом солнцепеке. Все крестоносцы от мала до велика были утомлены и страдали от жажды. Османские турки доказали, что они гораздо более сильный и стойкий враг, чем казалось христианам. В это время французы и бургунды, вероятно, поняли, что венгры находятся еще слишком далеко, чтобы оказать непосредственную поддержку авангарду. Франко-бургундские рыцари попытались организовать оборону вершины холма. *кипя от аромата победы*

В этот критический момент появился Баязид, во главе дворцовой конницы, потрясая крестоносцев, полагавших, что они уже выиграли сражение. Удар конницы Баязида несколько дезорганизовал французов и бургундов. По словам монаха Сен-Дени: «». Многие бросились бежать вниз с холма на плато, другие побежали по обрывистому оврагу в направлении к Дунаю, где они наткнулись на обширные болота вместо реки. Долго блуждая по топям, они выбрались к реке только в пяти километрах выше по течению. Некоторые рыцари остались на месте и вступили в бой. Не удивительно, что христианские летописцы подчеркивают мастерство и мужество своих единоверцев: французские источники сообщают, что «Бусико, де Куси, двое графов де Тремойль, молодой граф Неверский и другие были вскоре окружены горами убитых». Поэт Юсуфи Меддах оставил нам драматичное описание сражения, как оно виделось с турецкой точки зрения: «». *Львы в их сердцах обратились в робких зайцев Все смешалось – крики... „За нашего правителя!“, звуки труб и барабанов, летящие к небу. Над головами их скрепились мечи. Удары были столь частые, как капли дождя. Прекрасные воины наносили друг другу раны в шуме сражения. Стрелы падали подобно дождю, и воины стремились вплотную сойтись с врагом, чтобы уклониться от них, а трусы, подвергая себя еще большей опасности, стремились бежать*

Менее красочные турецкие источники, сообщают, что османские отряды, приближающиеся с трех сторон, были провинциальными сипахами, возобновившими атаку с флангов. Возможно, опираясь на воспоминания османских солдат, участвовавших в сражении, византийский летописец Дука в своей работе подтверждает, что гвардия Баязида появилась из леса. Карты, сделанные в XIX веке, однозначно указывают, что у основания холма было очень много деревьев, рощ и лесополос. Османский летописец Несри написал свою работу на основа-

нии рассказов сыновей участников этого сражения, поведавших, что одна часть крестоносцев при этом в панике кричала; «» Старый адмирал Жан де Вин пробовал собрать крестоносцев, но только десять компаньонов сплотилось вокруг него. Шесть раз падало его знамя с изображением Богородицы, но шесть раз адмирал вновь вставал на ноги, подбадривая своих товарищей криком и видом развевающегося священного знамени. На седьмой раз старый рыцарь был убит. После боя его нашли проткнутого несколькими копьями, которые прибили старого адмирала к земле, со священным знаменем, сжимаемым безжизненной рукой. Среди других убитых были Гильом де ля Тремойль и его сын, Филипп де Бар, Иоанн Кадзаут, адмирал Фландрии, сир де Монтвре, храбрый рыцарь из Артуа. Жан де Ройе и, как говорят, гроссмейстер тевтонских рыцарей. Наконец, Иоанн Неверский позволил уговорить себя своим оруженосцам и опустил оружие. Глядя на него, так же поступили граф д'Э, граф де ла Марш, граф де ля Тремойль, маршал Бусико и Энжеран де Куси, а так же несколько сражавшихся рядом валашских дворян. Западные и османские источники соглашаются, что сражение при Никополе было фактически двумя сражениями, в которых османская армия уничтожила франко-бургундских и венгерских крестоносцев по отдельности. Точная последовательность событий в этом вопросе и по сей день неясна. Были французы разбиты до того, как венгры вступили в бой, или два боя по времени частично перекрывали друг друга? Сигизмунд, возможно, не знал судьбу своих союзников, когда произносил свое знаменитое замечание Филиберту де Наильяк: «». Эта фраза была произнесена в конце сражения. Табун раненых лошадей и коней, лишившихся всадников, скачущий галопом из низины, отрицательно сказался на боевом духе венгерского войска, создавалось впечатление, что все французы убиты. *Турки сзади нас! Турки обошли нас! Мы проиграли сражение из-за гордости и тщеславия французских рыцарей. Если бы они прислушались к моему совету, у нас было бы достаточно воинов, чтобы защитить себя от врагов*

Сигизмунд, венгры, немцы и другие небольшие контингенты крестоносцев двинулись вперед в тщетной попытке поддержать франко-бургундов. Вероятно, их атака началась еще до того, как последние сдались. Валахи и трансильванцы в тот момент были еще вместе с ними. И только когда османские солдаты появились из низины, Мирча решил, что бой проигран. Западные источники любят обвинять его в трусости. Зря. Заметим, что никакой опасности Франции, Германии или Арагону османские турки не представляли, но, следуя за Сигизмундом, Мирча прекрасно понимал, что после победы при Никополе победоносное османское войско обрушится на его собственную территорию. И понятное дело, хотел сохранить своё войско, хотя его отступление с точки зрения венгров, естественно, виделось как дезертирство. Воины Мирчи перебрались за Дунай на маленьких лодках, которыми переправляли продовольственные поставки из Валахии. Суда крестоносцев, стоявшие на реке, вряд ли помогли им в этом деле. Трансильванцы, возможно, поступили так же, хотя более вероятно, что они отступили в Трансильванию через Оршов. Тем временем, колонна Сигизмунда двигалась вперед, пробивая себе путь через ряды османской пехоты. Это могли быть только азабы, сумевшие восстановить строй после кавалерийского удара крестоносцев. То обстоятельство, что дезорганизованные и частично уничтоженные подразделения сумели заново построиться к бою, подтверждает высокий уровень дисциплины в османской армии. К сожалению, нет никаких сведений, на каком участке боя происходило это столкновение. Нет никаких данных и о том, что Сигизмунд достиг линии частокла, наоборот, свидетельства говорят, что османская пехота двинулась вперед, чтобы захватить лагерь крестоносцев и деблокировать гарнизон Никополя. По свидетельствам участника никопольской битвы, юного баварского пажа Шильтбергера, попавшего в плен к туркам и пробывшего некоторое время в Галиполи «». Это свидетельствует, что османская пехота была захвачена врасплох в узости, вероятно, при спуске с плато. Согласно мало известной греческой хронике XVII столетия, которая основывалась на утерянных турецких источниках, «архиепископ Вены», автор подразумевал архиепископа Николаса Капижа Грана, видел поражение французской армии и повел своих солдат в центр сражения.

Он начал контратаку против турок и убил многих из них. Христиане кричали: Победа! Победа наша! И архиепископ обратил турецкую пехоту в бегство». *они все были растоптаны и перебиты, при этом стрелой была убита лошадь милорда Лейнхарта Рихартингера, и я, Ганс Шильтбергер, его посольный, когда увидел это ... – пробился к нему через толпу и помог сесть на мою лошадь, сам же я взобрался в седло другого коня без всадника, который прежде принадлежал туркам, и поехал обратно к другим оруженосцам и посольным*

После этого успеха венгры подверглись атаке османской конницы, вероятно, провинциальных сипахов, которые двинулись вперед со своей пехотой. Дворцовые полки Баязида, вероятно, еще не вступали в дело, и исход сражения пока был еще не определен, когда военачальник османских вассальных подразделений Стефан Лазаревич послал своих сербов в атаку. Они нанесли удар по направлению к главному венгерскому знамени, которое держат знаменосец Миклош Гараи, и свалили его. Стремление убить знаменосца и повалить вражеское знамя характерно для средневековых войн, и особенно, для мусульманских войн в течение столетий. Несколько источников свидетельствуют, что сербское нападение было формой засады и, возможно, началось из лесистой области у самую начала низины, где еще до начала битвы располагались войска Стефана Лазаревича, влево от позиции Баязида. Если так, то они ударили венгров во фланг или тыл. Столкновение было решительным и кровопролитным, про него Шильтбергер ясно написал: «». *Когда все пешие солдаты (турки) были убиты, король двинул свою колонну дальше, сменяя вражескую конницу. Когда турецкий король увидел приближение короля венгерского, он был готов бежать, но герцог Сербский, известный еще как деспот, видя это, пошел на помощь турецкому королю с 15000 отборных воинов и многими другими знаменами, и деспот атаковал со своими людьми знамя короля и опрокинул его*

Мечь Баязида

Как только знамя венгерского короля пало, венгры поняли, что они находятся на грани поражения и уговорили Сигизмунда оставить поле, вначале их отход по направлению к реке, казалось, проходил в строгом порядке, большинство из дворян и командиров поднялись на борт судов с минимальными трудностями.

Маленькая лодка, принадлежавшая госпитальерам, доставила венгерского короля на борт галеры венецианского адмирала Мочениго. Согласно воспоминаниям бургунда Бертрана де ла Брокье, «». Часть воинов заняла последний рубеж обороны на холмах, в то время как другие бежали и преследовались турками между холмами. Османские лучники пускали стрелы по судам, поскольку они захватили крутые откосы на берегах Дуная к востоку от Никополя. Несколько судов было перегружено чуть ли не до затопления, но Иоанну Нюрнбергскому. Герману Цилли, гроссмейстеру госпитальеров Филиберту де Наильяк, архиепископу Грана и Сигизмунду все-таки удалось уйти. Иоанн Гараи, один из лояльных сторонников Сигизмунда высадился на северном берегу и отбыл в Венгрию сухопутным путем, чтобы временно править страной до возвращения короля. Большинству простых солдат повезло много меньше, согласно де ла Брокье, «шесть тысяч валахов и польские рыцари заняли оборону на холме возле императора и были все вырезаны». Упомянутый Шильтбергер видел катастрофу «из первых рядов»: «». *Двести ломбардийских и генуэзских арбалетчиков сдерживали турок, пока император [Сигизмунд] не укрылся за бортами галеры, стоявшей на Дунае. Когда конница и пехотинцы увидели, что король бежал, многие также побежали к Дунаю и всякими способами пытались сесть на корабли. Но суда были переполнены и не могли больше никого принять на борт, и когда беглецы пытались взобраться на борт, они [команда] били их по рукам, так что многие тонули в реке». Византиец Дука выдвинул свою версию, основанную на османских воспоминаниях, написав, что «оставшиеся в живых бежали к Дунаю, где большинство бросилось в реку и утонуло*

Здесь стоит отметить, что Дунай – большая река, ее ширина в районе Никополя составляла около километра. В сентябре уровень воды в реке стоял низко, так что вблизи Никополя,

чуть ниже по течению, на реке было немало отмелей и больших островов. Перебраться на них вплавь было вполне реально. И фактически довольно много крестоносцев убежало, в том числе, и многие из франко-бургундского авангарда. Заявление Шильтбсрера, что «» (включая самого Шильтбергера) субъективно и вводит в заблуждение. Среди тех, кто не попал на корабль, но и не оказался в плену, был польский рыцарь Святослав. Он, вероятно, скинул свои доспехи перед тем, как броситься в воду. Подплыв к одному из судов крестоносцев, он по сброшенному канату попытался подняться на борт, но тут один из членов команды ударил его по руке топором (к счастью, ранил, а не отрубил), Святослав упал в воду, но не утонул, а поплыл на другой берег, возможно, на остров», потом перебрался в район, где не было турков, и по суше вернулся на родину. Аналогично перебрались через реку другие рыцари, включая Стибора Стиборича, Томаса Кульски, Деметриуса Бебека, и Иоанна Паштоха. Двух последних Сигизмунд назначил грандпалатином (палатин – венгерская придворная дворянская должность с судебными и внешнеполитическими функциями) и грандканцлером на время своего отсутствия. По-видимому, они перебрались на северный берег и вернулись обратно в Венгрию по суше вместе с Иоанном Гарай. События, последовавшие после сражения, также были неправильно поняты или искажены в хрониках. В частности, в вопросе о количестве пленных, попавших в османские руки. В турецкий плен попало немало старших командиров крестоносцев – сам граф Неверский, маршал Бусико, Филипп де Артуа и Энжеран де Куси. Но вот что касается рядовых пленных, то западные источники называют цифры от 400 до 12000 человек. Анонимный летописец из Сен-Дени, сообщая, что он был непосредственным очевидцем событий, говорит о 3000, в то время как османский хронист Несри, цитируя сына паши Кара Тимурташа, считает; что было взято свыше 2000 пленных. Он также упоминает, что захваченный объем добычи был просто неопишуем. Лично Баязид был немало удивлен роскошью, которую он нашел в лагере крестоносцев, где он и его командиры праздновали всю ночь после победы в одной из самых прекрасных палаток. К сожалению, Баязид также видел и следы резни пленных из Оряхово и Видина. Вид разлагающихся трупов турок и турецких вассалов побудил Баязида дать выход его мести на пленниках-крестоносцах. На следующее утро, 26 сентября, гнев Баязида еще не остыл, и он приказал построить всех христиан, взятых в плен. Согласно мусульманским законам, пленные были имуществом тех, кто их захватил, но каждый пятый из захваченных отходил правителю. Жаку де Крекье или как его чаще называли, Жак де Хейли, это было известно лучше других, поскольку, будучи камергером герцога Бургундского, он командовал отрядом рыцарей и сражениях Столетней войны и служил наемником в османской армии во времена Мурада I. Он хорошо говорил по-турецки и объяснил захватившему его турку, кем он был. Аналогично поступил и Жак де Фей, лорд Турнэ. Они оба были вызваны к Баязиду. Османский правитель попросил их опознать 20 наиболее именитых пленников, за которых можно было получить самые крупные выкупы: крестоносцы были столь великолепно одеты и экипированы, что турки не могли отличить их командиров от рядовых рыцарей. Исходя из этого мусульманского закона, возможно, что Баязид намеревался казнить каждую пятого пленного. Это предположение очень близко к истине. Никакие османские источники не описывают, что случилось потом, так что нам известно только количество выживших пленных. Источники подтверждают, что Баязид приказал казнить всех пленников, оставив только нескольких, за которых он намеревался получить выкуп. Но спустя некоторое время после начала казни османский правитель то ли заболел, то ли решил, что дальнейшее кровопролитие будет гневить его бога... В общем, число пленных, которые были фактически обезглавлены, колеблется от реалистической цифры 300 до эмоциональной, но ничем не подтвержденного числа 3000. Внезапная смена решения турок, возможно, была обусловлена и тем, что крестоносцы обречено шли на эшафот без сопротивления, молясь Богу и подбадривая друг друга, желая друг другу храбрости в последний момент. Турки вовсе не стремились к появлению такого большого числа святых мучеников. В число тех, кого изначально выбрали для казни,

сперва входил и Шильтбергер, но ему было только 16 лет. Согласно османской традиции он был слишком молод, чтобы умереть. Вот как это происходило по воспоминаниям Шильтбергера; «». Товарищи Шильтбергера были обезглавлены, но «ой. Когда они увидели, что их ожидает и какова турецкая месть за причиненные нами потери, он заплакал, но громким голосом продолжал утешать простых кавалеристов и пехотинцев, которым предстало умереть вместе с ним. Восходя на эшафот, он сказал, что кровь наша в этот день проливается за христианскую веру и мы все с божьей помощью вознеслись на небо. Сказав это, он стал на колени и был обезглавлен, вместе с его соратниками». *тех, кто не мог пересечь реку и достичь судов частично были убиты, по большей частью были взяты в плен. На завтра они предстали перед правителем, каждый привел с собой всех пленных, которых он смог захватить, связав их общим инуром. Я был одним из трех пленников, связанных инуром турком, захватившим меня. После того, как из строя были выведены те, за кого предполагали получить выкуп, каждому турецкому воину приказали убить его собственных пленников когда дошла очередь до меня, сын короля (Баязида) увидел меня и сказал, что меня нужно оставить живым. Я был отведен в группу других юношей, и никто до 20 лет отроду не был убит, а мне тогда было 16 лет... Затем я видел лорда Ханнсена Грейфа, баварского дворянина. Он и четверо других пленников были связаны общей веревкой*

Некоторые из крестоносцев избежали плена и по суше направились к своим очагам. Они шли по чащобам Валахии и Трансильвании, по зимним тропам прошли через карпатские горы, которые в те годы были полны опасных и хищных зверей (прежде всего-волков). И многие воины христовые стали жертвой волков и морозов. Некоторые из этих беглецов уже достигших людского жилья в последующем умерли от истощения и болезней, в том числе граф Рупрехт Пипан, который умер вскоре после своего прибытия к своему отцу в город Амберг.

Рассказывали, что в ходе этого крестового похода многие во Франции видели дурные предзнаменования. Например, порыв ветра свалил королевскую палатку возле Кале. Люди наблюдали большую упавшую звезду, из которой выпало пять малых звезд, напоминавших копыта, по видимому метеориты. В декабре 1396 года, изодранные беглецы наконец достигли Франции, многие направились в Париж, где их тут же посадили в тюрьму в Шале как бродяг и нарушителей спокойствия. Их пугающие рассказы не принимались на веру, а самих этих ободранных воинов посчитали дезертирами. Наконец, двое из вернувшихся воинов были опознаны как солдаты коннетабля Франции и были представлены герцогу Бургундии. Он выслушал их и не поверил всей этой истории целиком, однако усомнился и направил своего камергера Гульемо де ла Айгле, на восток, чтобы уяснить истинное положение дел.

А тем временем те, кто отступал вниз по Дунаю, вероятно, остановились в генуэзской Киллии, чтобы получить продукты питания и перераспределиться по кораблям. Венецианская галера с Сигизмундом и его ближайшими советниками достигла византийской столицы Константинополя, где он обсудил сложившуюся ситуацию с императором Мануилом. Сигизмунд, возможно, даже пообещал начать новый крестовый поход следующей весной, но этого так никогда и не случилось. После этого, венгерский правитель с товарищами снова отправились в плавание на двух галерах, пройдя через несколько венецианских колониальных застав, пока 21 декабря не прибыли в адриатический порт Дубровник. Но пути король Сигизмунд и его компаньоны вынуждены были терпеть унижение, видя пленников Баязида, специально выстроенных вдоль берега в Галлиполи, когда их суда проходили через Дарданеллы. Филиберт де Наильяк, гроссмейстер госпитальеров, уехал на Родос. Он достиг острова к концу декабря, хоть госпитальерам и пришлось преодолеть меньшее расстояние, но по пути они часто останавливались на различных островных заставах госпитальеров.

Плен у османских турок был привычен для многих из западноевропейских рыцарей, ожидавших выкупа. Процесс пленения и выкупа был для них не нов. Судьба молодых пленников может быть исследована по воспоминаниям Шильтбергера. Что же касается судеб простых

солдат, уцелевших в день казни, то нам о ней не известно практически ничего. Для истории они просто исчезли. Вероятно, большинство из них стало рабами в Османском государстве или продавались дальше на восток. Некоторые перешли в ислам, получив тем самым свободу и устроившись в мусульманском обществе. Дворяне, удерживавшиеся для выкупа, в большинстве своем содержались в старой османской столице – в Бурсе. Их кормили хлебом и мясом, они имели некоторую свободу перемещений, и им даже позволяли охотиться. Но у многих из них здоровье было подорвано. Граф Неверский был вскоре отделен от его компаньонов. Главный виновник разгрома, граф де Э, раненый в битве, умер в Михаличе (возле современного Каракабея). Он был похоронен в монастыре Святого Франциска в Галатее, на берегу Золотого Рога в Константинополе. Очевидно, его тело было передано геноуэцам. Здесь же или в соседнем монастыре нашли покой и другие рыцари, умершие в плену или на борту судов, шедших из Никополя. Бывший уже в возрасте, Энжеран де Куси был сломлен и совершенно подавлен. Хотя он был высок и очень силен, в плену он заболел и умер, в то время как молодой де ла Тремойль вначале переносил плен лучше всех. Организация выкупа благородных пленников заняла длительное время. Жак де Хейлн был выбран графом Неверским и Баязидом для выполнения посреднических миссий. Он был послан через Милан в Париж с официальными новостями о поражении и запросом на выкуп. Он прибыл в Париж на Рождество 1396 г., и немедленно направился с визитом к королю Карлу в отель Сен-Поль. Ещё не успев спясть верховые сапоги и шпоры, он встал на колени перед королем и собранием дворян, чтобы целиком поведать ужасающую историю разгрома и плена. Он также передал письма от графа Неверского его родителям и письма от остальных пленников. В ответ король назначил ему пенсию в 200 экю, но поскольку Жак де Хейли был связан клятвой, ему пришлось вернуться назад к Баязиду. С ним к туркам направилось трое именитых бургундских дворян – сир де Верди, губернатор графства Бургундии, сир де Лингрехен, губернатор Фландрии, и сир де Шаго-Моран, чтобы вести переговоры о размерах выкупа. С собою они взяли богатые «представительские» дары для османского правителя Это был белый кречет от правителя Милана (Баязид, как известно, любил охоту), прекрасные ткани и упряжь, украшенная золотом и слоновой костью. Жак де Хейли предложил взять один из знаменитых гобеленов, сделанных в Аррасе, на котором был изображен эпизод из жизни Александра Великого – другого «покорителя всего мира». По ходу подготовки этой миссии Генуя попала в вассальную зависимость от Франции. Это послужило поводом для обращения к геноуэским богатым торговцам принять участие в переговорах о выкупе, и тем самым доказать свою лояльность новому сюзерену. Огромные суммы, необходимые для выкупа такого большого числа самых знатных воинов Западной Европы, были обременительны для многих стран, но Франция и Бургундия сумели оплатить их, введя дополнительные налоги. В январе 1397 г., просительные письма циркулировали между благородными семействами, написанные женами или семействами тех, кто удерживался в плену. Известно, что часть дворянских фамилий Франции попросила помощи у дожа богатой Венеции.

Тем временем маршал Буснко и сир де ла Тремойль активно вели переговоры с геноуэским лордом острова Митилене (Лесбос) об ускорении передачи денег. Оба этих дворянина в плену тяжело заболели. Бусико выздоровел, а де ля Тремойль умер. Но даже когда собственный выкуп Бусико был выплачен, он не бросил графа Неверского; продолжал находиться у турков, пытаясь уменьшить сумму выкупа за командира крестового похода, которая была очень уж велика. В конце концов, все выкупы были оплачены при посредничестве известных ломбардских банкиров, короля Кипра и лорда Гаттилузио Митилене, способствовавшего в организации заключительной передачи выкупов.

Граф Неверский и Анри де Бар написали в письме к Николасу Гаттилузио, губернатору очень маленькой геноуэзкой заставы Энец в устье реки Марица: «». Согласно византийскому летописцу Дуке, Баязид окончательно позволил своим пленным отправиться восвояси, потому

что за них поручился «лорд Митилене, сын Франческо Гаттилузио». Если это верно, то пленные крестоносцы имели уважительную причину благодарить генуэзское семейство Гаттилузио. *Самый дорогой и верный друг, мы получили 2000 дукатов... за которые мы передаем вам сердечную благодарность... И мы также получили много больших и прекрасных подарков, которые вы нам послали, в том числе рыбу, хлеб, сахар и другие вещи... Мы также благодарны, дорогой и хороший Друг, вашей жене за очень красивую одежду и плащи, которые она отплатила нам. Написано в Михаличе, 15 апреля 1397 г.*

Наконец граф Неверский мог отбыть домой, почти через год после сражения при Никополе, он остановился сначала на острове Митилене, чтобы обсудить будущее с Гаттилузио и сменить гардероб на более подходящую одежду, в которой он мог бы продолжать свою поездку.

22 февраля 1398 г., Иоанн Неверский вернулся в Дижон, приблизительно через два года после того, как покинул его. Он и его компаньоны привезли с собой несколько простых подарков от Баязида: железный жезл, несколько льняных туник «по турецкой моде», несколько луков с кожаными тетивами, которые по какой-то причине французы назвали человеческими кишками, и маленький крепкий барабан. Эти подарки были очень просты, но основная мысль, заложенная в этом наборе, была очевидна – османские турки были воинами, которые считали простое оружие весьма адекватным моменту, не находя никакой потребности в блестяще украшенном обмундировании крестоносцев, привезенном рыцарями на войну.

Одним из немногих, кого не потрясли новости из Никополя был Филипп де Мезьер. Вместо этого, он объявил, что у него по этому поводу, видение, которое описал в следующих деталях – «а опоясывала его на талии. На теле его была глубокая рана и весь он был покрыт кровью. Этим призраком был Жан де Блэзи, который встал на колени рядом с Филиппом и поведал ему новости ужасного поражения, описывая странные виденья, свидетелем которых он был в течение сражения. Он сказал, что является посыльным от убитых и плененных крестоносцев и обращается ко всем католическим правителям, чтобы поправить ситуацию». Это, в свою очередь, побудило Филиппа написать его «*Epistre Lamentable*» в 1397 г. Пока де Мезьер порицал греховность крестоносцев, другие французские авторы всю вину валили на венгров. Среди них был поэт Эсташ Дешамп, который в конце 1396 г. написал; *мне виделся большой мужчина, с бледным лицом, изможденным и изуродованным, с обнаженными ногами, непокрытой головой, посохом паломника в руке, на которую он опирался. Он был одет в старое турецкое платье, выцветшее и разорванное, простая веревка*

*« Никополис, город языческих земель,
За эти дни видел большую осаду,
Проигранную, из-за высокомерия и глупости,
». Из-за венгров, бежавших с поле боя*

Это было, конечно, несправедливо, хотя миф об этом сохранился. Известность Никополя во многом была обусловлена и тем фактом, что христианское рыцарство, собрав в единую армию все лучшее, что только можно было собрать, потерпело полное поражение в первом же крупном сражении. Этот крестовый поход представлялся как прелюдия большого всепоглощающего христианского похода во главе с королями Карлом Французским и Ричардом Английским. Но этого так никогда и не случилось, потому крестовый поход на Никополь в этом плане ошибочно именуют как «наиболее представительную военную акцию международного феодального дворянства». После этого, дальнейшие крестовые походы стали «невозможной мечтой» XV столетия.

С другой стороны, поражение при Никополе не охладило энтузиазм среди аристократической, военной и академической элиты Бургундии. Наоборот, возбудило еще больший интерес к Востоку, туркам и исламу. Замечательное путешествие Бертрана де ла Брокье, поколением позже было в значительной степени предпринято в ответ на бургундское поражение при

Никополисе. Однако, османский военный успех продолжал озадачивать западноевропейцев в течение всего XV столетия. В то время полагали, что турки воюют числом и мало понимают в тактике и стратегии, западные силы действительно ставили себя выше, особенно в тяжелой броне и качестве своих лошадей.

Последующая военная карьера Иоанна Неверского свидетельствует, что он почерпнул многое из кампании при Никополе, став единственным герцогом Бургундии, имеющим реальные боевые навыки в управлении армией. Многие были вознаграждены, другие продвинулись по службе. Арбалетчик Этьен Ламбин, например, после возвращения из похода получил патент на вербовку воинов и в чине капитана в 1405 г. привел 81 арбалетчика и шесть лучников на службу герцогу Бургундскому. Он в последний раз упомянут как «мастер» французской королевской артиллерии в 1418 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.